

Елена Загаевская

ВОЙНА ДРАКОНОВ: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

16+

Елена Загаевская

Война драконов.

Рождение легенды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40123356

SelfPub; 2019

Аннотация

В одной странной больнице живет девушка без имени и прошлого. Всю свою жизнь она пытается ответить на вопросы: Кто она? Как и почему попала в заточение? Единственное, что приносит ей радость в ее тяжелой серой жизни – это цветные сны, в которых она видит невероятные волшебные миры. Она даже и не подозревает о том, как сильно ее сны могут изменить жизнь, а поиски ответов на вопросы, поставленные судьбой, могут привести туда, откуда обратного пути нет, где ее будет ждать любовь, предательство и невероятные приключения... Автор обложки: Варвара Карпа

Содержание

Пролог	4
Глава 1. «Погружение»	6
Глава 2. «Невесомость»	12
Глава 3. «Отражение»	17
Глава 4. «Солнечная комната»	22
Глава 5. «Дебют»	28
Глава 6. «Ночной поход»	37
Глава 7. «Тишина»	46
Глава 8. «Длинный разговор»	55
Глава 9. «Обман»	65
Глава 10. «Тихая гавань»	73
Глава 11. «Подарок»	80
Глава 12. «Порто боэри»	89
Глава 13. «Золотое пламя»	100
Глава 14. «Магия стихий»	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Елена Загаевская

Война драконов.

Рождение легенды

Пролог

– Как думаешь, они смогут нас простить? – его глаза были наполнены всепоглощающей печалью. Холодный ветер трепал его всклокоченные волосы, а за горизонтом догорал закат. В тот момент он подумал о том, как неестественно холоден этот летний вечер. Он сжимал дрожащие ладони своей возлюбленной, пытаясь запомнить каждую маленькую черточку ее лица.

– Мне кажется, тебе не стоит беспокоиться, это все, что сейчас мы можем сделать, – девушка с любовью погладила огромный живот и закрыла глаза, положив голову ему на грудь.

– Дай мне пару минут. В таких делах не может быть спешки. Я понимаю, что должен сделать это, но... – он взволнованно коснулся губами ее волос и глубоко вздохнул.

– Я даже не думала торопить тебя, если хочешь, мы сможем все отменить и еще раз обдумать, – она нежно посмотрела в его глаза и улыбнулась.

– Нет, мы на грани, поэтому принимать решение нужно сейчас. Это единственный правильный путь. Другого у нас нет. Я уже смирился со своей судьбой, но сможешь ли ты пройти все это?

– Я готова, – ее голос слегка дрожал, но она была настроена столь решительно, что уже никто и ничто не могло заставить ее изменить свое решение.

Он поцеловал ее, словно они расставались на век, и протянул зачарованный флакон. Ветер усилился, раскачивая высокие пшеничные колосья, с тяжестью быющиеся о его порывы. Убедившись, что зелье начало действовать с первого же глотка, мужчина поспешил вслед за ветром, хотя это расставание стоило невероятных усилий. Но он искренне верил в то, что безумный план поможет ему спасти любимую...

Глава 1. «Погружение»

О, Боже мой, как же болит голова. Я не помню ровным счетом ничего, что было вчера вечером. Еще эта жара, как можно находиться в таких угнетающих условиях? Обои в комнате вызывают ощущение того, что слой грибка на них куда толще, чем они сами, поэтому иногда мне кажется, что едва уловимый рисунок, разрывающий мой мозг, не что иное, как очередной шедевр жизнедеятельности бактерий, которые живут здесь, наверно, тысячу лет. Деревянный пол казался настолько ветхим, что, ступая на него каждый раз, ставишь ногу так аккуратно, чтобы не насажать заноз в ступни. Тишина и сдавливающая духота сводили с ума и приводили к головокружениям. От такой атмосферы боль не просто мучила меня, она проникала в глубину моего сознания и пожирала остатки рассудка. Кто я? Откуда? Как оказалась в этой ужасной комнате? Вот вопросы, которые мучают меня изо дня в день, но я не нахожу на них ответы. Большую часть своей жизни я лежу на жесткой койке в комнате, очень похожей на больничную палату, и изучаю окружающие меня предметы. В остальное же время я сажусь за стол, стараясь забыть обо всех тяготах своей нелегкой судьбы, и начинаю творить...

Где-то в глубине моей памяти, точно во сне, мне видится образ маленькой девочки, которая стоит перед мольбертом

и фантазирует, изображает, мыслит. Каждое ее прикосновение к холсту превращает его в живое создание, которое движется, начинает дышать, существует. Но я не уверена, я ли это или мой очередной сон? Откуда мне знать, ведь все, что я видела в жизни – это лишь мои сны, отображаемые на бумаге, и эти стены, скрывающие меня от внешнего мира.

Каждый день «ужасные люди» приходят ко мне, чтобы сделать укол. О том, зачем они делают это, мне ничего неизвестно, но «ужасные» говорят, что так положено. Потом я ложусь в свою кровать и засыпаю. Каждый раз, когда мои веки смыкаются, я погружаюсь в удивительный мир моих снов. Мои сны – самый важный материал для исследований. Как я могу судить из рассказов женщины, которая приходит ко мне мыть пол, «ужасные люди» что-то изучают.

Клавдия – единственный человек, который хоть как-то говорит со мной. Ей много лет, гораздо больше чем мне. Благодаря тому, что она рассказывает, я узнала, что стол – это стол, стул – это стул, что лежу я на кровати, а то место, где она находится, называется палатой. Клава добрая женщина, и я много раз спрашивала ее о том, почему эти люди «ужасные»? Но она только смотрела в пол и, тяжело вздыхая, ничего толком не могла мне объяснить.

Среди безликих серых дней ярким пятнышком светился маленький островок радости – мир в моих снах. Он потрясающий, там все мне кажется знакомым и родным, там много людей, предметов, которые я никогда вживую не видела,

только в книге с картинками. Эту книгу мне подарила Клава на день рождения. Когда мои руки устают рисовать, я беру ее на колени и рассматриваю картинки.

Чего только я там не видела. Каждый раз, перелистывая страницы, я вижу на них все новые и новые детали, которые не замечала раньше. Словно окно в большой мир, книга помогает мне узнавать о чем-то новом, потому что в моей комнате нет окон, и о том, что находится за ее пределами, я могу судить только благодаря этой занимательной вещице. Наверно, за пределами моей бетонной клетки с серым потолком светит солнце, идет дождь и жизнь идет своим чередом, даже не догадываясь о моем существовании. У меня вместо солнца электрическая лампочка, она конечно, едва ли похожа на солнце, но мне от нее светло и она тоже горячая.

Однажды я попыталась дотянуться до своего «электрического солнца», но мне не хватало роста, чтобы осуществить задуманное, поэтому я села на пол и стала думать. А что если бы я была не я, а какой-то объект в комнате? Взгляд искал что-то, что могло бы заменить лампочку, для эксперимента, чтобы можно было потренироваться на полу, прежде чем лезть на потолок. Я заметила деревянный шкаф, в котором лежала моя одежда, картонные коробки со старыми вещами, из которых уже выросла, и рисунки, нравившиеся больше остальных, поэтому их жаль было выбрасывать. «Это лампочка!» – с увлеченным видом крикнула я и легла на пол, упираясь ногами в стену, которая находилась напротив

«лампочки». Лежа на шершавом дощатом полу, я наблюдала за воображаемой лампочкой, а в голову приходили различные идеи по поводу того, как можно дотянуться до нее.

Сначала решила сделать канат, связав вместе простынь с наволочкой, и, закинув его наверх, взобраться к недостижимой цели. Подобно «ужасным людям», я взяла лист бумаги и поэтапно нарисовала то, что планирую сейчас сделать. В тот момент мне казалось все это невероятно важным, словно я стою на пороге великого открытия. От чертежей пора было приступать к делу. Туго связав простыню, наволочку и еще пару каких-то тряпок, у меня получился довольно длинный канат. Я заняла исходное положение у стены и, лежа на спине, с размаху кинула петлю импровизированного каната в сторону шкафа. После очередной попытки петлю удалось набросить, и меня охватило волнующее чувство, казалось, что вот-вот истина снизойдет на мою голову. Из последних сил я карабкалась по канату в сторону деревянной «лампочки». До нее оставалось буквально несколько шагов, когда «лампочка» вдруг превратилась в старый деревянный шкаф и со скрипом начала крениться в мою сторону. Едва я успела закрыть голову руками, как в ту же минуту на меня рухнул древний великан, который проглотил когда-то все мои вещи. Открыв глаза, я поняла, что нахожусь в чреве деревянных полок, крючков и вешалок. Абсолютно ясно – эксперимент провалился.

Но не успела я расстроиться, как на глаза мне попались

мои битком набитые картонные коробки, поэтому новый план родился сам собой. На этот раз я решила оставить в покое свой старый шкаф и справиться с поставленной целью только при помощи того, что лежало передо мной. Собрав выпавшие коробки, я сгребла их в кучу и начала возводить башню. Это не составило особенного труда, и через несколько мгновений я соорудила картонное нечто высотой в мой рост. После завершения строительства, меня вновь охватило чувство великих открытий. Недолго думая, я взобралась на коробки, и лампочка оказалась на расстоянии вытянутой руки. Она так ярко светила и манила меня, что не было сил отвести от нее свой взгляд, но все же на мгновение я посмотрела вниз. Вся моя комнатуха, казалось, могла поместиться на ладони. Оставалось дело за малым. Я протянула руку и дотронулась до лампочки, но она оказалась такой горячей, что рука тотчас отдернулась, покраснев от ожога, а башня, не выдержав подобных колебаний, пошатнулась, и в мгновение ока я оказалась на полу. Зато теперь мне стало абсолютно ясно, что если когда-нибудь увижу солнце, я ни за что не буду строить башню, чтобы дотронуться до него.

Прогнав прочь свои воспоминания, я подошла к столу, на котором лежали мои рисунки. У меня множество работ, изображающих мои сны. Я рисую картинки на бумаге, а потом «ужасные люди» из лаборатории исследуют их. Некоторые рисунки, которые мне нравятся больше всего, удаётся выпросить обратно. Они дороги мне, как память о пере-

житых счастливых моментах. Я живу во сне, поэтому очень жду, когда мне сделают очередной укол, и я смогу снова вернуться туда, в мир грез и безграничного счастья. А пока я все еще здесь, мне только и остается, мечтать о том, что рано или поздно удастся узнать кто я, откуда появилась и что здесь делаю?

Заскрипел дверной засов, и в комнате появилась женщина, одна из «ужасных людей», держащая в руках уже хорошо знакомый мне шприц. Ее глаз почти не было видно, потому что лицо закрывала белая повязка. Странно, зачем ей повязка на лице? Может она кусается? Представляю, как при виде меня она вместо укола вгрызается мне в... брр. Лучше пусть она остается в этой повязке, вдруг это действительно так. «Ужасная» сделала мне укол и вышла, надежно закрыв дверной засов.

Как же болит моя голова. Я сегодня совсем не могла рисовать из-за того, что ничего не осталось в моей памяти. «Ужасные» сказали, что надо удвоить дозу. Интересно о чем это они? Что бы это ни было, ей не поздоровится, ведь теперь у этой дозы вдвое будет больше проблем. Я чувствую, как мои веки тяжелеют. Ну, наконец-то... Волшебный мир я иду тебе.

Глава 2. «Невесомость»

О, чудо! Я лечу. Наверно, это прозвучит странно, но под моими ногами ничего нет, совсем ничего, и над головой тоже. Что же это? Почему я ничего не вижу, даже себя... Где я? Как это возможно? Ты вроде ощущаешь себя в пространстве, но не видишь ничего, не можешь дотронуться до себя, словно у тебя нет тела, но есть разум. Но ведь если ты и есть разум, то этот разум должен находиться хоть в чем-нибудь. А со мной все иначе, кто-то стер окружающую меня реальность, и осталась только всепоглощающая тьма и разум.

Какое странное чувство, подобного раньше со мной не происходило. Если я не вижу себя и не ощущаю, получается – меня нет. Но постойте, а кто же, по-вашему, думает об этом? Надо проснуться, срочно проснуться. Я сейчас себя ущипну и сразу проснусь. Раньше это всегда выручало меня, когда я попадала в страшные миры. Но как же мне себя ущипнуть, если меня просто нет?! Так, спокойно, рано или поздно это состояние невесомой неопределенности должно закончиться. Это же просто очередной сон. Или нет...

А может я умерла, и это моя душа. Может, я сейчас чувствую свою душу? Это состояние начинает мне надоедать. Как ужасно, когда ты не можешь ничего делать, только размышлять. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны, можно занять себя размышлениями.

За свою короткую жизнь я видела очень мало. Все, что я знаю о мире, содержится на картинках в той книжке на столе. Мой мир ограничивается небольшим набором вещей: стол, стул, книга, лампочка, дверь, кровать, шкаф с моей одеждой, карандаш и стопка бумаги. В состоянии, когда ты ничто, разум начинает просыпаться и работать иначе, все начинаешь переосмысливать, анализировать.

Однажды Клавдия указала мне на стол и сказала: «Это стол». Раньше мне и в голову не приходило, почему стол есть стол и зачем он? Своеобразное чудище на четырех ногах, божество. Люди преклоняются перед столом, что бы они за ним не делали, сами того не понимая. Даже я, когда рисую свои сны, склоняю голову перед его величеством. Еда, мои рисунки, вещи, лекарства – все доверяют ему, а он величественно принимает дары и снисходительно позволяет ими пользоваться. Никак не устоять перед его величием, он точно священный алтарь, благословляющий мои работы. Видимо, поэтому Клава с такой заботой и трепетом его протирает, приводя гладкую поверхность в блистающий божественный вид.

Стул – верный слуга стола. Он сопровождает господина в течение всей его жизни. Он встречает людей, которые желают поклониться его величеству, и помогает им принять должный вид для поклонения. Представляю, как трудно склоняться перед столом без его помощи. Интересно, каково быть стулом? Наверно, это крайне унижительно. Если представить себе одиноко стоящий стул, скорее всего на него

сядут для того, чтобы посидеть. Ничего не скажешь, у стула достойная роль – он необходим, поэтому приходится терпеть то, чем протирают его люди. Как это ужасно. Но еще ужаснее ситуация, когда стул стоит рядом со столом. Цель человека: использовать, прежде всего, стол, а не стул. Казалось бы, пусть себе пользуется, однако, он берет стул и придвигает его к столу. Получается, вниманием пользуется его величество стол, а стул терпит лишения во имя неизбежности. Как это несправедливо. В такие моменты хочется взять стул и обнять его за спинку. Это не справедливо, конечно, но жизнь сурова даже по отношению к вещам. Всегда найдется что-то, что окажется выше тебя по каким-то необъяснимым причинам, они могут быть необъективны, несправедливы, но скорее всего все это для чего-то нужно. Я уверена, что все в мире, даже таком крохотном как у меня, находится в балансе. Если бы люди использовали только стул, пожалуй, он бы и не понимал своего счастья, ведь ему не с чем сравнивать. Ведь как здорово, когда нужен именно ты, такой как есть. А если вдруг тебя используют не потому, что ты необходим, а потому что необходим кто-то еще, это уже неприятно. Эта несправедливость нужна, чтобы понять, что такое счастье. Все просто – это отсутствие негативных эмоций. Когда они есть, мы ощущаем, что мы несчастны, а когда их нет, мы начинаем чувствовать себя счастливыми. Одно плохо, счастье так мимолетно, что спустя некоторое время ты перестаешь его понимать, в такие моменты на выручку снова приходят

негатив и неприятности.

Как странно, получается, счастье есть всегда, просто не всегда мы его можем чувствовать. Я счастливый человек – как же это замечательно!

Вдруг вспомнилась моя книга с красочными картинками. Как странно, такая маленькая вещь, ее можно взять в руку, поднять, открыть, закрыть, можно с ней делать все что угодно, но при этом ты даже представить себе не можешь, что в этой книжке заключена огромная сила, которая влияет на наш разум, чувства и мысли. Сколько раз я перелистывала свою книжку с картинками и приходила в такой восторг от того, что познаю что-то новое, не знакомое для меня раньше. Я открываю ее, а там совсем другой мир, который пока еще неизвестен и непонятен, но прочитывая страницу за страницей, ты с головой погружаешься в него и живешь им. Это нечто похожее на сон, он захватывает тебя, и ты с интересом вдумываешься, вглядываешься, представляешь. Тот мир, который окружал тебя до этого, просто исчез и появился новый, именно тот, что в твоих руках. Он заставляет тебя смеяться, плакать, злиться, да разве возможно передать тот водоворот эмоций, в который попадает разум, погруженный в этот мир. Но по своей природе это материальная вещь, которая состоит из бумаги, чернил, ниток и прочих безделиц, а какая в ней сила. Книга похожа на космос. Я видела его на картинках – он бесконечен. Земля в нем маленькая песчинка, она состоит из простых вещей, но вместе они соединены

в огромнейший мир. Даже смешно, а я думала, просто книжка с картинками. Отдельный листок, отдельная нить, капля чернил – все они соединены в целое, маленький и одновременно большой мир, всеобъемлющий, всепоглощающий, великий.

В полной тьме особенно ясен мой разум. Тьма – это отсутствие света, но в моем сознании почему-то невероятно светло. Тогда что есть свет? Я вспомнила ту ненавистную лампочку, которая так сильно обожгла мою руку, что след от ожога каждый день напоминал мне о ней. Этот «свет» озаряет мою комнату всякий раз, когда я включаю свое «электрическое солнце», но не давал мне столько света, сколько я ощущаю сейчас. Этот свет проливается незаметно для окружающих, его я могу почувствовать только сейчас, когда у меня нет других органов чувств. Он рождается с каждой новой мыслью и разгорается ярче с каждым рассуждением, озаряя все сильнее мой разум. Как это чудесно! Мне так хорошо от этой мысли, ведь она вселяет спокойствие. Получается, что я счастлива, внутри меня свет, поэтому то, что волновало меня вначале, полная ерунда.

Кажется, я начинаю чувствовать, будто тело появляется снова. Ах, чудный сон, неужели я скоро проснусь...

Глава 3. «Отражение»

Кажется, реальность снова окружает меня. Ох, как кружится голова. У меня все плывет перед глазами. Нужно попытаться встать с кровати, но у меня не выходит, ноги совсем не хотят слушаться. Слабость угнетала любое проявление деятельности, поэтому сегодня тело не слушается меня, видимо, придется лежать весь день.

Как это скверно, а мне так хотелось порисовать. Этот сон прошлой ночью, эта невесомость, точно повернула мой разум в другую сторону. Я столько могу сейчас нарисовать... Стоп. А где мой стол? Где он? Я начала искать глазами привычную обстановку, но вместо нее увидела мольберт, рядом с которым стояла маленькая девочка. На вид ей было лет восемь, а может и немного меньше. У нее красивые длинные темные волосы, которые волнами спускались до самого пояса. Она рисовала так замечательно, что каждый штрих волновал, завораживал. А ведь эта девочка настоящий мастер. Какие необычные картины выходят из-под ее кисти. Как странно, неужели «ужасные люди» решили подарить мне соседку? Я хотела подойти к ней, но мои ноги все еще не слушались меня. Я сделала усилие и с грохотом рухнула на пол. Девочка так испугалась, что ее маленькая ручонка вздрогнула, и на прекрасном рисунке появилась огромная клякса. Это пятно, как огромный паук начало сползать вниз по ри-

сунку и поглощать труды юной художницы. Она обернулась в сторону своей работы и, увидев ужасного монстра, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Мне стало жаль ее работу, поэтому я сделала титаническое усилие над собой и встала на ноги. Неторопливо и осторожно я подошла к ней и положила руку на ее хрупкое плечико.

– Извини меня, я не хотела тебя напугать, – тихо произнесла я. Девочка подняла голову и посмотрела на меня.

– Я думала, что здесь никого нет, – ответила девчушка почти шепотом.

– Как ты попала сюда?

– Я не помню. Но мне кажется, что живу здесь с рождения.

Я вдруг обратила внимание на ее глаза. Они были синие-синие, даже мурашки побежали по всему телу, кажется, мое тело начинает просыпаться понемногу. Я смотрю в ее глаза, и мне кажется, что они проникают в меня, сливаясь со мной в единое целое. Меня будто холодным потом прошибло. Я схватила себя за хвост и потянула его к носу, чтобы посмотреть на свои волосы. Они были длинные и темные, прямо как у этой девочки, а она спокойно стояла рядом со мной и удивленно наблюдала за моей паникой.

– Дай мне свою руку, – крикнула в ужасе я. Девочка покорно протянула хрупкую ладошку, испачканную гуашью. Мне стало страшно, нужно было проверить, действительно ли я это она, а она это я? Я протянула свою ладонь навстречу

ее маленьким пальчиком. Странно, вроде по размеру они отличаются, хотя бы потому, что она младше меня. Капелька холодного пота скатилась с моего лба. Мы с особым любопытством разглядывали линии на наших ладонях. Девочка была удивлена и увлечена моим необычным поведением. Она охотно изучала мои движения и повторяла их, будто маленькая капризная обезьянка. Было очевидно, что руки у нас одинаковые. Лицо, глаза, волосы – это я! От ужаса, охватившего меня в этот момент, ноги стали ватными. Я не выдержала и села на колючий пол.

Девочка была обеспокоена моим состоянием, она подошла ближе и обняла меня своими маленькими чумазыми ручками. От этого мне стало очень хорошо, будто меня выпустили из клетки. Раньше меня никто никогда не обнимал.

– Ты расстроилась из-за того, что мы похожи? – наивно спросила она.

– Понимаешь, ты – это я, – пояснила я и посмотрела на удивленное выражение лица девочки.

– Такого не бывает, – капризно ответила она и нахмурила брови.

– Как оказалось, бывает. Как ты попала сюда? Откуда этот мольберт?

– Мольберт привезли мне вчера. А здесь я живу с тех пор, как себя помню. А вот ты зачем ворвалась ко мне?

Я очень сильно удивилась такому ответу. Мне хотелось запротестовать, рассказав, что я тоже живу здесь, что вот на

этой кровати я сплю. Но только я хотела указать на нее, как вдруг поняла, что моей кровати нет. Что же происходит? Я попятилась к стене и уперлась спиной в угол. Девочка продолжала удивленно и одновременно сочувственно смотреть на меня. Мне показалось, что я начинаю сходить с ума. Этого не может быть. Видимо я сплю...

Надо все вспомнить. Я заснула, мне снился сон, о том, что меня нет, а потом я проснулась и увидела эту девочку. Каким знакомым мне кажется ее рисунок. Она – это я, в этом не может быть сомнений. А этот рисунок? Я же видела этот рисунок в своих снах! Тогда просто я не рассматривала все так подробно. Значит, я все-таки сплю. Я выдохнула с облегчением и вытерла пот со лба. Получается, что проснувшись, я оказалась во сне. Это какой-то замкнутый круг, точно из иллюзии я попала в свою память. Интересно, эта девочка помнит, как я приходила к ней в прошлый раз? Моя память очень слаба, что я даже не помню, как меня зовут, даже эту девочку мне удалось вспомнить с большим трудом.

– Ты помнишь меня? – решила спросить я.

– Ты всегда появляешься очень неожиданно и портишь мои рисунки, – она сердито посмотрела на свою испорченную работу и отвернулась.

– Извини, это у меня случайно получается, – с сожалением сказала я. – Ты знаешь, как зовут меня?

– Ты раньше не разговаривала со мной. Но снилась мне часто.

– Снилось? – удивилась я.

– Да, ты и сейчас мне снишься. Один и тот же сон, я рисую, а ты приходишь и портишь мои рисунки. – Девочка подошла к шкафу и открыла дверцу. Из моего деревянного великана посыпались рисунки. Каждый был идентичен предыдущему. У всех рисунков, точно под копирку, по центру красовалась растекшаяся клякса. Точно поток взбунтовавшейся реки испорченные рисунки вылетали из моего деревянного шкафа. Спустя две минуты я не видела ничего кроме листков бумаги. Я звала девочку, но она не отвечала мне.

Двигаясь в потоке детского творчества, я пыталась себе объяснить, что все это значит. Скорее всего, я видела обрывок своих воспоминаний. Если уже в восемь лет я не помнила, ни как меня зовут, ни откуда я взялась, то дело с моей памятью уже в те времена были совсем плохи. Может, из-за нее меня поместили в палату и стали колоть лекарства?

В книге я не видела изображений других людей и почти на сто процентов уверена, что она – это я. Как странно, у меня такое впечатление, будто я это уже говорила. Эти дежавю сводят меня с ума. Надо набраться терпения и надеяться, что я скоро проснусь.

Глава 4. «Солнечная комната»

Опять эта духота сдавливает мое тело. Чувство тошноты накрывает все сильнее. Неужели я снова проснулась? В этот раз мой сон немного затянулся, однако, он не доставил мне такой радости как раньше. Я никак не могу открыть глаза. Как же мне плохо, а ведь это совсем неприятно, в условиях такой душной клетки. Как же сильно ноет все тело, хотя это вполне объяснимо после такого активного блуждания по глубинам своего разума. Жесткая кровать впивается в спину. Странно, раньше она не казалась мне столь твердой, и никакого неудобства не доставляла. Я опустила руку на поверхность, на которой лежала и поняла, что ничего общего с кроватью она не имеет. Преодолев чувство полного бессилия, мне удалось открыть глаза. Вокруг было темно. Было совершенно ясно – я проснулась, но где? Это место мне незнакомо. Из-за отсутствия освещения едва ли можно что-то разглядеть. Я лежала на металлическом столе или кровати, от которого меня отделяла одна простыня. Сделав еще одно усилие, мне удалось встать, но не хватило сил, и я плюхнулась на пол, зацепив шаткий стул с металлическими ножками, который от моего падения развалился на части. Как же болела спина, а ноги снова не слушались. Я готова была разрыдаться, весь мир направлен против меня, впервые стали появляться мысли о смерти.

Как надоело жить неизвестно почему и для чего. Мое состояние все хуже с каждым пробуждением. Я ищу ответы на свои вопросы, но с каждым новым ответом появляется пара сотен новых мутных пятен в памяти и сознании. Может лучше совсем ничего не чувствовать. Я еще не совсем могу понять, что такое смерть. Наверно хорошо, когда ничего уже не чувствуешь, тебя просто нет. Как тогда, мне там было так хорошо, может, это и есть смерть? Но как ты можешь чувствовать, если ты умер? По большому счету, если ты хочешь умереть, то, прежде всего, ты стремишься к покою, равновесию, отсутствию боли. Но в итоге ничего этого не получаешь, как раз потому, что просто не можешь ничего почувствовать. Тогда зачем вообще смерть нужна тебе? Стало быть, стоит искать все это в жизни, а смерть еще неизвестно к чему приводит, и что там за гранью бесконечного сна? А вдруг там еще хуже, чем здесь в мире, вдруг там еще большие страдания, сильнее боль... От этой мысли мне стало совсем страшно. Я обняла себя за плечи, а по щекам потекли слезы. От лежания на железной кровати мне было невероятно холодно, а теперь еще и страшно. Я не хочу умирать, не хочу! Расскачиваясь, сидя на полу, мне казалось, что смерть подошла ко мне и дышит в затылок. От нее некуда было деться. Я с ужасом оглянулась, но никого не увидела. Это бесконечная тень провоцировала тревогу, которая мурашками разбегалась по всему телу. Вдруг ко мне вернулись силы, как от глотка свежего воздуха, я подскочила и начала оглядываться, нервно

расхаживая по комнате. Казалось, смерть везде, будто она прячется от меня, чтобы внезапно наброситься и растерзать. Твердо решив для себя, что ей это не удастся, мне пришлось взять себя в руки. Я опустилась на пол и начала ощупывать пол в поисках чего-то, что могло бы защитить меня. Проведя рукой по полу, я нашла железную ножку от стула, которая из-за резкого подъема и падения беспомощно валялась на полу. В тот момент мне показалось, что это настоящий меч. Я замахнулась и, что есть силы, ударила им перед собой. Вот это был грохот. Железная ножка попала точно по кровати, на которой я лежала. От такого резкого и громкого шума смерть исчезла, растворилась в сумраке комнаты, но из соседнего помещения послышались голоса. Мне снова стало страшно.

Нужно срочно найти укрытие! Кто-то был явно недоволен моими звуками и стремительно направлялся в мою темную комнату. У стены стояла еще одна железная кровать-стол, накрытая простыней. На ней никого не было, в этой комнате вообще никого не было. Простынь свисала до самого пола и могла укрыть меня. По крайней мере, другого варианта укрытия придумать быстро я не смогла, поэтому с ловкостью кошки я шмыгнула под одиноко стоящую кровать. Как только я укрылась, зажегся яркий свет. Если бы не простыня, укрывавшая мое убежище, мне грозила бы слепота на ближайшие пять минут. В комнату вбежали двое. Это было совершенно очевидно, потому что они общались между собой, и это общение было весьма грубым. Один был напуган, буд-

то увидел, как моя обезумевшая от страха смерть пробежала мимо него. Второй был сонный и очень злой, будто ему помешали спать и, судя по всему, его разбудил первый мужчина.

– Вот видишь, тебе показалось. Нужно меньше паяться в телевизор на работе, – гневным голосом произнес он. – Ты просто олух! Почему тебя никак не уволят.

– Я четко слышал сильный грохот. Мне не показалось, правда, он был отсюда, я уверен.

– Ну, вот, смотри, здесь никого нет, – сказал мужчина и собрался уходить.

– Здесь никого нет! Какой ужас! Где она? – кажется, они заметили мое отсутствие. В этот момент мне показалось это забавным. Сразу представила себя маленькой девочкой, которая любит проказы.

– Ну и куда она, по-твоему, делась? Она мертва, а мертвые не ходят.

Мертва?! Как это, если я мертва, я не должна слышать то, что они говорят. А, может быть, я все-таки смогла победить смерть? Эх, надо было взять собой этот меч. Смерть наверно испугалась его грохота. Да, в тот момент я была окрылена победой над страшным чудовищем.

– А вдруг она зомби? – у этого человека поджались колени, и он заплакал. Вообще мне казалось, что мужчины не умеют плакать, но этот экземплярчик меня убедил в обратном. Странно, почему он расстроился, может он меня любит

и печален из-за моего отсутствия. Я читала о таком чувстве как тоска. Человек привязывается к чему-то или кому-то, а когда теряет объект внимания, испытывает глубокую утрату. Причем, чем сильнее человек был связан с предметом, тем сильнее его душевная печаль. Обычно это испытывают к близким людям. Может это мой родственник? Отец? Нет, слишком молод. Брат или дядя. Наверно, дядя. Точно может, он нашел меня и знает все обо мне. Как же радуется эта мысль. У меня точно крылья выросли. Семья, это как раз то, что я совсем не помню, но ее мне так не хватает. На радостях такой неожиданной встречи я с неописуемым счастьем в душе вылезла из своего укрытия и побежала навстречу своему новоиспеченному родственнику. Мужчины побледнели. Наверно, у меня был такой же вид, когда я почувствовала смерть за своей спиной. На их лицах было написано: «ничего страшнее в жизни не видел». Они замерли на мгновение, а когда я стала приближаться к ним – бросились к выходу. Выбежав из комнаты, они захлопнули дверь и защелкнули замочную скважину.

Еще долгое время из-за двери доносились взволнованные выкрики, кто-то кого-то звал, а мой «дядя» куда-то пропал. Снова оказавшись одна в комнате, я внимательно рассмотрела все, что меня окружало. Комната не была похожа на ту, в которой я жила все это время. Здесь находилось столько новых, неизвестных для меня предметов, что глаза просто разбегались от интереса и не знали на чем остановиться. Так

странно, моя кровать, ну эта железная, на которой я спала, стояла в центре комнаты. Мне всегда казалось, что кровать должна стоять у стены, потому что кровать, которая занимает все пространство – это же ужасно неудобно. Ходишь по комнате, а в ней везде кровать, куда не пойдешь. Просто возмутительно! А этот стул, который стоял около нее? Со всем не удивительно, что я его сломала. Да уж, мой «дядюшка» совсем не умеет расставлять мебель. Тут мой взор снова упал на кровать. На ней виднелась крупная вмятина, ровно по центру. Вот это я понимаю, ударчик. Вокруг кровати стояли какие-то провода с приборами, кнопки, лампочки – чего там только не было, а на потолке висело нечто. Да это же солнце! На него невозможно было смотреть, тысячи маленьких лампочек светили из железной пластины. Наверно, оно очень горячее, припоминая свой первый эксперимент с лампочкой, мне не хотелось его трогать. Я заморожено смотрела, шурясь, на это огромное светлое пятно.

Вдруг кто-то сзади схватил меня. Это было очень больно, так больно, что слезы полились сами собой. Последнее, что я помню, это укол вонзившийся откуда-то сзади. Ну вот, опять...

Глава 5. «Дебют»

Даже не знаю, сколько продлился сон на этот раз, но я чувствую себя намного лучше, мне даже ничего не снилось. Открыв глаза, я оказалась в своей комнате, а рядом сидела Клавдия. Какое счастье, увидеть своего единственного друга в такой момент. Я, не сдерживая радости, бросилась ей на шею.

– Клава, как же я рада видеть тебя, – с нескрываемым счастьем сказала я.

– Ты напугала всех, милая, – взволнованным голосом ответила она. – Я уже и не думала, что мы еще поболтаем.

– Я не понимаю, почему? – я смотрела на нее удивленными глазами и пыталась вспомнить что-нибудь из тех событий, которые со мной произошли в «солнечной комнате».

– Все подумали, что ты умерла, – произнесла Клава и тяжело вздохнула.

– Как это? Почему? – я искренне не понимала, о чем она говорит.

– Утром на прошлой неделе тебе пришли делать очередной укол, но ты была без сознания. Пульс у тебя был слабый. Вот они подумали, что ты умираешь... Не выдержала, издевательств, так сказать.

– Пульс? Что это? – не понималась я.

– Ну, это голос твоего сердца что ли. Вот смотри, – она

взяла мою руку за запястье и немного надавила большим пальцем. – Вот попробуй.

Мне стало интересно. Я зажала свое запястье, как она показывала, и почувствовала небольшое движение под кожей. Оно было частое и ритмичное.

– Это со мной говорит сердце? – взволнованно спросила я, у меня было чувство необыкновенного открытия, мой восторг сложно было передать.

– Именно так. В то утро оно почти не билось.

– Может оно просто устало или просто не хотело с ними разговаривать.

– Сложно сказать, но тебя отнесли в реанимацию и пытались привести в чувство, но сердце твое практически остановилось.

– Вот как, – пытаюсь понять, прошептала я.

– А если сердце у человека перестает биться, то, стало быть, он умер. Они с тобой больше возиться не стали. И так уж целый день, что-то с тобой делали. Как я ни просила, но мне было сказано заниматься своими делами, – на ее глазах появились слезы, она дрожащей морщинистой рукой пыталась их вытереть, но они появлялись снова. – Я уже и не надеялась, что еще увижу тебя.

Мне было жаль ее. В тот момент я поняла, что она мне ближе всех на свете. Насколько я знаю, родных у нее нет. Был муж когда-то, но он умер от ужасной болезни, а детей у них не было. Сама она сирота, выросла в детском доме, может,

она любила меня как дочь или внучку, а, может, и нет, но мне очень хотелось верить, что в этом мире я кому-то нужна. Мы обнялись, но наша идиллия продолжалась совсем недолго. Послышались шаги за дверью. Клавдия судорожно отодвинулась от меня, схватилась за тряпку и принялась суетливо мыть пол. «Ужасные» вошли в дверь. Сразу было видно, что им что-то не нравится.

– Клавдия, сколько можно намыывать здесь полы, – прогремел голос «ужасного». – Вечно от тебя неприятности. Проваливай отсюда!

На лице говорящего четко вырисовывался гнев, его глаза источали злобу. От напряжения, казалось, тряслась повязка на лице. Он что-то буркнул остальным, стоявшим за дверью, и сел на стул передо мной. Клавдия поспешила уйти прочь. Рядом с мужчиной появилась девушка, которая обычно мне делает уколы. Но сегодня шприц она не принесла. В руках у нее был блокнот и ручка. Она судорожно писала что-то туда, было видно, что одно нерасторопное движение и ей достанется от «ужасного», сидящего впереди.

– Пациентка жива. Бледный цвет лица. Повышенная возбужденность, – «ужасный» продолжал осматривать меня, он не мог поверить, что я все еще жива. – Двойная доза оказала почти летальный эффект. Запишите это и подчеркните. Нужно сделать дополнительный расчет, – он вдруг обратился ко мне. – Что-нибудь видела сегодня во сне?

– Почти ничего, я все забыла, – робко ответила я.

– Может, хочешь нарисовать? Так легче?

– Да, очень хочу. Я видела в «солнечной комнате» своего дядю, он ко мне придет?

– Какой дядя? – удивился «ужасный».

– Он заходил, но был напуган, – с сожалением сказала я.

– Пациент испытывает эффект номер пять точка семь, – он снова начал говорить какие-то странные слова девушке позади.

– Почему он избегает и боится меня? – взволнованно продолжала спрашивать я.

– Расслабься, можешь порисовать. Нарисуй мне все, что ты видела сегодня во сне, – с натянутой улыбкой произнес мужчина и обратился к девушке. – Это совсем не тот результат, нужно поменять состав.

Мужчина отвернулся и вышел вон, за ним следом ушла девушка. О чем они говорили, мне было непонятно. Они же ученые, что-то исследуют. Наверно у меня какая-то редкая болезнь и они пытаются меня вылечить, но не знают пока как. Я посмотрела на свои руки, они были все в синяках, видимо, это результат моего забвения. Но самочувствие мое намного лучше. Мне даже захотелось порисовать. Я села за стол и взяла карандаш. В голове сразу возникли образы былого сна. Полная тьма, облако с крыльями, потом появился мой стол в блистающей короне. Рядом с ним скромно стоял мой стул с поникшей спинкой, он грустил о своей нелегкой жизни. Мне показалось, это несправедливым и рядом я на-

рисовала раскрытую книгу в сияющих доспехах, с металлической ножкой от стула в руках. Она хочет внести справедливость в этот мир, потому что она сама огромный мир, может даже больше, чем мир стола и стула.

Завершив свою работу, я отошла в сторону, чтобы полюбоваться ею. Она была мрачная, но справедливая. У меня заурчало в животе, пора бы подкрепиться. Пожалуй, я уже не помню, когда в последний раз у меня был аппетит. Плохое самочувствие не позволяло мне много кушать, просто не хотелось. Клавдия всегда ругала меня, говорила, что если я не буду есть, то очень скоро умру. А сегодня совсем другое дело. Не успела я об этом подумать, появилась Клавдия, вся белая как снег.

– Что это с вами? – взволнованно спросила я.

– Детонька, тебе нельзя больше здесь, не могу я так. Там такое, такое творится... – она села на стул и схватилась за сердце. – Ты должна со мной идти.

– Выйти отсюда?! Я вылечилась?! Я так мечтала об этом!

– Ты потише, не торопись радоваться. Дело это будет непростое, отсюда выбраться будет очень сложно, но есть у меня одна задумка, – Клава задумалась на мгновение. – Долго я ждала, да видимо ждать-то больше некуда. Ты должна мне полностью доверять, иначе нас с тобой ждут большие неприятности, – от этих слов становилось жутко на душе. Но сама идея о свободе толкала на все что угодно, и мне было неважно трудно это или легко.

– Клава, я тебе полностью доверяю. Что мы будем делать?

Клава начала очень тихо рассказывать свой план. Все должно было состояться сегодняшней ночью, потому что мне не будут делать укол. Клава сказала, что они высчитывают новый состав лекарства, поэтому я буду в сознании, и мы сможем убежать. Сегодня будет дежурить мой «дядюшка». Кстати, я узнала от моей подруги, что никакого дядюшки у меня нет, по крайней мере, это не тот плаксивый мужчина, которого я видела в «солнечной комнате». Он всего лишь охранник, который страшно увлекается просмотром телевизора на дежурстве. План Клавы был таков: она хотела вечером рассказать ему страшную историю о сумасшедшей, которая якобы бродит ночью по коридору. Клава уверена, что ему понравится эта история. Эта сумасшедшая очень опасна и вгрызается в горло всякому, кто встанет у нее на пути. Ее обычно не трогают, чтобы не сорвать эксперимент, просто надо сделать вид, что ты спишь, и ничего не произойдет. Учитывая впечатлительность этого плаксивого типа, история должна произвести незабываемое впечатление. Мне выделили роль, как в театре, я даже и не представляла, что смогу когда-нибудь сыграть кого-нибудь. Мне нужно было вырядиться в огромный балахон с длинными рукавами, распустить волосы и пройти с вытянутыми руками по коридору прямо, а в конце выйти в дверь слева, там меня должна ждать Клава. Она говорила, там будет очень темно, и мы сможем убежать, потому что лампочка перегорела сегодня в обед, а

весь обслуживающий персонал сегодня не работает из-за какого-то то ли собрания ученых, то ли совета ученых, короче говоря, они все заняты в городе. Неужели я увижу настоящий город! С ума можно сойти от одной только мысли об этом!

Клава завершила свой рассказ, в десятый раз повторяя о том, чтобы я не отвлекалась ни на что и шла прямо к цели. Дверь она закрывать не стала, точнее она сделала вид, что закрыла ее, чтобы охранник ничего не заподозрил, и ушла. Я весь вечер примеряла свой костюм, репетировала походку, так сказать, вживалась в роль.

Как только за дверью стало совсем тихо, а так бывает только тогда, когда уходит «ужасный», тот, который сегодня осматривал меня, я стала прислушиваться. Он имеет такую привычку очень громко разговаривать. Клава мне говорила, что, возможно, он глуховат, кажется, после какого-то очередного эксперимента потерял остроту слуха. Когда он прощался с охраной, то всегда кричал, может, поэтому его весь персонал и боялся, думали, что он чем-то недоволен и зол. Он долго наставлял охранника на ночную смену, говорил как это важно и ответственно, и как только «ужасный» хлопнул дверью, я стала считать до ста очень медленно и вслух, как меня просила сделать Клава. Она научила меня считать, наверно, ей хотелось, чтобы напоследок, я продемонстрировала все навыки, которые получила здесь. Произнеся последнее число, я глубоко вздохнула, прежде чем открыть дверь. Мурашки побежали по коже. Я еще никогда в своей жизни

не открывала ее. Правда, был у меня один неудачный опыт, но только после него мне неделю не давали еды. Даже при моем плохом аппетите мне к концу недели страшно захотелось есть, тогда Клава очень за меня переживала, она боялась, что этой голодовки я не переживу. И вот теперь я снова могу отрыть эту дверь.

За дверью меня ждал затененный коридор. Я вытянула руки перед собой и пошла. По телу то и дело проносилась легкая дрожь, мне действительно было страшно. Я шла по коридору и увидела на стенах разные плакаты, так хотелось остановиться и рассмотреть их, потому что они такие яркие, что манили своей необыкновенностью. Но в голове вертелось наставление Клавы: нигде не останавливаться и ни на что не смотреть. Эта мысль заставила меня пройти мимо. Коридор оказался очень длинным, возможно, это могло казаться из-за неизбежного волнения и страха. Мне даже не хотелось думать о том, что могло произойти со мной, а самое важное с Клавой, если нас поймают. Пока я шла, казалось, прошла целая вечность. Наконец, я увидела пост охраны. Плаксивый «дядюшка» заметил меня, потому что на его лице снова появилась та самая надпись, что и прошлый раз, но видимо что-то припомнив, он резко упал на кресло и закрыл глаза. Я прибавила шаг, казалось еще немного и он узнает меня. Для него я ходячий труп или, как он сказал, «зомби». Интересно, что значит «зомби»? Заметив дверь слева, она была единственной дверью на левой стене, я повернула ручку и

поспешила выйти. За дверью ждала Клава, она тут же схватила меня за руку, и мы побежали куда-то. Бежали мы почти на ощупь, вероятно, она знала это место как свои пять пальцев, поэтому очень быстро нашла выход на улицу.

Мой трепет сложно было передать словами. Я впервые в жизни вдохнула свежий воздух. Мы бежали очень быстро в неизвестном направлении, поэтому мои легкие с непривычки так сильно сжимались, что мне стало трудно дышать, и появилась сильная одышка. Клава уговаривала потерпеть, она уверяла, что мы скоро будем в безопасности, и действительно, через какое-то время мы оказались в лесу. Я без сил рухнула на землю и никак не могла отдышаться. Какой сладкий воздух был вокруг меня, словно я не вдыхала его, а пила. Это был самый прекрасный миг в моей маленькой жизни. От восторга и радости у меня потекли слезы. Я приподнялась и облокотилась о дерево, а Клава сев рядом, обняла меня.

– Ну, вот и все, – сказала она, – теперь все будет иначе.

Глава 6. «Ночной поход»

От вдоха к вдоху становилось все легче дышать. В моей голове до сих пор не укладывалось то, что я на свободе. Об этом я мечтала каждый свой прожитый день, поэтому теперь я испытывала невероятное счастье, от того что моя мечта осуществилась. Вокруг нас было темно, но небо светилось миллионами маленьких огоньков. Я посмотрела наверх и увидела, как прекрасно они мерцают, казалось, что перед моим взором открывается космос, тот огромный мир, как из книги на столе. Мне даже в голову не приходило насколько он потрясающий! Звезд так много, что сосчитать нельзя, поэтому я не удержалась и спросила у Клавдии:

– Клава, а сколько звезд на небе? – она посмотрела на меня, и добродушная улыбка озарила ее морщинистое лицо.

– Больше, чем ты себе можешь представить, – тихо ответила она, – очень-очень много.

– И их нельзя посчитать?

– Нет, нельзя.

– И даже ученые из лаборатории не могут? – Клава с нежностью посмотрела на меня. Что-то невероятно щемящее было в ее взгляде.

– Даже они, – ответила она, и ее лицо снова стало серьезным. – Послушай, когда наступит рассвет, нас начнут искать. Главный врач возвращается к семи, а сейчас уже два часа

ночи. Стало быть, у нас осталось очень мало времени. Этот лес будут прочесывать первым делом, потому что он ближе всего к больнице. Нам нужно идти дальше, до деревни.

– Это город такой? – наивно спросила я.

– Нет, дорогая, это просто несколько маленьких домиков, – ответила она и снова улыбнулась. – Город, он совсем большой.

– А нас там искать не будут? – предположила я.

– Конечно, будут, только не сразу. Дело в том, что больница находится на границе между городом и районом. Она обслуживает три деревни, поэтому до любой из них мы можем добежать. Я выбрала для нас самый трудный путь, но мне кажется, ты его выдержишь.

На этих словах она встала, помогла мне подняться, и мы направились в сторону леса. Я шла с удовольствием, хотя так много я не ходила никогда. От сладостного свежего воздуха немного кружилась голова, но впервые за последние месяцы у меня были силы на приключения. Мы шли между деревьями и разговаривали:

– А почему ты выбрала именно эту деревню? – начала я.

– До нее дальше всего идти, – пояснила Клава. – «Ужасные» не верили, что ты жива, поэтому они будут уверены, что много ты не пройдешь. Но ты же у меня умница, – на этих словах она погладила меня по руке.

– А что мы будем делать дальше?

– Мы пойдем в гости.

– В гости! – обрадовалась я. – Это как ты ко мне приходила в палату?

– Что-то вроде того. У меня там старая подруга живет. Дом у нее на отшибе, туда обычно редко кто ходит просто так.

– У тебя есть подруга?

– Да, пожалуй, единственная, мы так давно не виделись, даже не знаю, жива ли она еще или нет, – Клава грустно посмотрела на небо и глубоко вздохнула.

– Ты давно не ходила к ней в гости?

– Знаешь, дорогая, длинная эта история. Раньше ходила по несколько раз за неделю, хотя и жила в другой деревне. Да только после того как случилось со мной недоразумение... – она хотела что-то сказать, но замолчала.

– Ты о чем?

– Не бери в голову, тебе ведь, после всего что было, покой и отдых нужен, а мы с тобой ночью по лесу бредем да разговоры разговариваем. Если наша прогулка пройдет удачно, завтра поспишь до обеда и наешься вдоволь. А потом уж посмотрим.

Дальше мы шли молча, потому что я пообещала Клаве не болтать и беречь силы. Ночью было тепло, но за голые ноги кусали комары. Увидев то, как тщетно я пытаюсь укрыться от назойливых насекомых, Клава достала из сумки штаны и кофту, которую предусмотрительно взяла для меня, поэтому удалось укрыться от комариных укусов. В лесу стояла ти-

шина, только иногда потрескивали ветки под ногами, а запахи, исходявшие от цветущих растений, кружили голову. Во время нашего путешествия, я развлекала себя разными мыслями. Все вокруг казалось таким потрясающим и неизвестным, особенно листья на деревьях. Мне удалось оторвать себе один на память: он был мягкий, пах свежестью, наверно, это и есть запах леса. Ветер гудел между стволов и раскачивал ветки низкорослых кустарников. Все было в темноте, но не такой как в «солнечной комнате», потому что эта темнота была ласковая. Свет от звезд и луны мягко падал на полянки и рассыпался тысячей маленьких искорок по травинкам, покрытым капельками воды. Клава, увидев мое восхищение, объяснила, что это искрится роса. Ближе к утру, она оседает на траве и листьях. Я положила листок в карман и продолжила осмотр лесных достопримечательностей.

На улице царило лето, такое теплое, как молоко на полдник, поэтому приятно было прогуливаться по ночному лесу. В сумерках купалось все вокруг из-за большого количества елей. Их так много, будто я оказалась в самой чаще леса, не хватало еще валежника и пеньков, покрытых опятами, а вот мухоморы встречались часто. Лунный свет едва проходил сквозь густые заросли, слегка озаряя редкие полянки. Ступая по мягкому ковру из мха, я внимательно вглядывалась в окружающую обстановку. Высокие мрачные елки, на ветвях которых висели грандиозные гирлянды шишек, возвышались над нашей головой. Каждая шишка была шедев-

ром ювелирной работы: точеные чешуйки, словно сделанные под копирку, начинали блестеть от случайно попадавшего на них лунного света, который иногда навещал это заповедное место. На них можно было засмотреться. Изредка попадались островки лютиков, одиноко покачивающихся от каждого дуновения ветерка, а мягкий ковер из мха так и призывал опуститься на него и крепко заснуть. Мы шли по тропинке, которая становилась все тоньше и тоньше, а маленькие деревца и кустарники все ближе протягивали к нам свои ветки.

Через некоторое время идти пришлось через бурелом. Клава ворчала, вспоминая о том, какая раньше здесь была тропа, как она ходила по ней за грибами. Она сетовала, на то, что это тропа как ее жизнь, виляет то влево, то вправо и вся буреломом поросла, так что идти тяжело. Что-то защемило у меня в груди, когда я слушала ее монологи, видимо, ей многое пришлось пережить. Сильно ее жизнь помотала, хотя бы вспомнить эту историю про мужа Клавы, она ее мне не рассказывала толком, а сама я боялась спросить. Любое напоминание о неприятностях заставляет грустить и переживать вновь то, что с таким трудом переживалось, и наложило огромный отпечаток на ее усталом от забот лице. Пока я размышляла о жизненных тяготах Клавы, тропа вывела нас к болоту. Как здесь было весело, от того, что в траве, будто кто-то трещал и свистел. Клава сказала, что это сверчки горланят. По берегам рос густой камыш, а в гладком водяном зеркале отражалась луна. Я замерла от восторга, такой кра-

соты я даже на картинках не видела. Будто небо было на дне болота.

В моей книге, в разделе про космос было написано, что земля круглая. Стало быть, если сделать яму и копать-копать-копать, когда-нибудь можно землю пройти насквозь. А что если, если это не болото, а яма, которая проходит через всю землю, и эти звезды видны на другой стороне земного шара. Я вскрикнула от необычного открытия. Клава обернулась, подошла ко мне, взяла за руку и повела дальше.

– Дорогая, ну, сколько тебе говорить, у нас так мало времени, но мы должны успеть. Я понимаю твои чувства, все, что тебя сейчас окружает, производит неизгладимое впечатление, но прошу тебя, не останавливайся.

– Хорошо, извини, – стыдливо произнесла я. – Можно я спрошу у тебя?

– Спрашивай.

– А это обратная сторона земли? – Клава рассмеялась, видимо, я подняла ей настроение своим вопросом.

– Почему ты так решила?

– Я читала в книге, что земля круглая. А болото – это яма с водой. Когда я посмотрела на воду, то видела на дне небо и звезды. Похоже, что эта яма проходит через всю землю, поэтому видно небо.

– А как же тогда луна? Луну ты тоже видела?

– Ах, забыла, – мне стало немного стыдно, от глупого предположения.

– Да и ты наверняка помнишь, что там, в центре земли, мы читали с тобой, нельзя проделать сквозную дырку, да и луна у нас только одна. Это отражение. Если бы ты подошла поближе, то увидела и себя, – договорила Клава и потянула меня за руку. – А сейчас пойдем, осталось немного.

Клава шла и улыбалась. Она добрая и всегда помогает мне разобраться в том, что меня окружает. Ведь у меня не было никогда матери, а она очень подходит на эту роль. У нее невероятно добрые глаза. Вот смотришь в них, и так тепло становится на душе, а ведь когда тебя окружают одни лишь стены, эти глаза заменяют тебе целый мир, в котором хочется оставаться, где живет любовь и сострадание.

Вдали меж деревьев показались огоньки – это виднелась деревня. Ноги немного ныли от усталости, но бушующие эмоции от увиденного и пережитого за сегодняшнюю ночь не давали думать об этом. Небо немного порозовело и окрасило все вокруг предрассветными красками. Мы вышли из леса на дорогу, неровную, покрытую рытвинами, а где-то в ямах даже стояли лужи. Клава заботливо просила обходить их, чтобы я не намочила ноги. Она говорила, что если их намочить, можно заболеть простудой и тогда придется пить лекарства, а кому, если не мне, знать каково это, поэтому я аккуратно перешагивала каждую лужицу. Вдоль дороги стояли дома, каждый из которых был особенным. Таких интересных домиков в книжке я не видела. Самые крайние казались крупнее остальных: окна с резными ставнями, везде

росли цветы, а позади домов благоухал сад с яблонями, где располагались лавочки и качели. Скорее всего, в этих домах люди живут богато, по крайней мере, богаче остальных. Другие дома на этой улице выглядели просто: низкий маленький домик, у кого-то крыша покосилась, где-то развалился забор, кое-где я увидела велосипед без колес, одиноко лежащий у некрашеного забора. Мне стало жаль его, даже захотелось подобрать ржавую железку и вернуть к жизни. А ведь можно еще приделать колеса и покрасить. Я хотела бы, чтобы у меня был велосипед, а тут лежит, только нужно его немножко починить. Оставалось дело за малым, я подбежала к ржавому велосипеду и попыталась поднять его. Звонок на руле нехотя звякнул, и вдруг залаяла собака. Лай доносился откуда-то из-за забора. Мне стало страшно и, вернувшись на дорогу, сложно было не заметить недовольство моей наставницы. Она взяла снова меня за руку и до конца нашего путешествия не отпускала.

Мы прошли через всю деревню, казалось, что домов больше нет, и улица закончилась, но когда мы обошли разрушенный храм, показался еще один маленький домик. Это был какой-то особенный уголок деревни, даже возникало чувство, что мы в каком-то необыкновенном мирке. Дом был одноэтажный, а стены белого цвета, кое-где были обвивались плющом. Перед входом росло множество самых разных цветов: розы, ромашки, незабудки, ирисы, – все смешивалось в единый пестрый хор и будто посмеивалось над моей расте-

рянностью. Каждый цветок, словно живой, посматривал на меня и с удивленным видом покачивался на ветру. Мы подошли ближе и увидели потрясающую белую лилию, она источала божественный аромат, будто пахла целая клумба нежнейших цветов. На тоненькой длинной ножке возвышался белоснежный бутон, который царственно выделялся на фоне остальных цветов. Все это было как во сне только лучше.

Клава подошла к окошку рядом с дверью и постучала, но никто не ответил ей. Тишина начала прерываться легкими трелями птиц, словно не обращающих на нас никакого внимания. Клавдия постучала сильнее. На этот раз в окне зажегся свет, а спустя какое-то время послышатся ворчливый женский голос, мне он показался крайне неприятным. Было удивительно, как женщина с таким суровым голосом может быть подругой Клавы? Я стояла и рисовала себе картину злой ведьмы. Интересно, а здесь есть поблизости ножка от стула?

Глава 7. «Тишина»

Дверь немного отворилась, и нам навстречу вышла женщина лет пятидесяти на вид. Она была рассержена из-за столь раннего визита, но, не смотря на это, производила впечатление доброго человека. Волосы у нее длинные и заплетены в косу, опрятно уложенную чуть ниже затылка. Интересно то, что я не заметила ни одного седого волоска, они так и бросались в глаза насыщено-черным цветом. Несмотря на свой уже солидный возраст, она была удивительно хороша собой: статная, с белой кожей, что совершенно не похожая на деревенскую женщину, привыкшую к сельским хлопотам. Глаза у нее бездонные, пожалуй, я видела такие только у Клавы. Смотришь в них, и чувствуешь, что этому человеку можно доверять, наверно, поэтому она стала подругой Клавдии.

Женщина была крайне удивлена, увидев нас. Ее гнев мгновенно растворился, повис в воздухе. После минутной паузы женщина едва смогла вымолвить:

– Клава, неужели это ты? Как ты? Я уж не думала, что свидимся еще, – едва сдерживая эмоции, произнесла женщина.

– Дарья Матвеевна, – Клава едва смогла выговорить ее имя, слезы подкатывали к глазам.

Женщины обнялись, было абсолютно ясно, что они не виделись долгое время. Странно, что заставило их так долго

находиться в разлуке? Я же чувствую, что они очень близки, может, они были в ссоре? Нет, не похоже, чтобы это было так, они слишком рады друг друга видеть. Наверно, какие-то весьма серьезные обстоятельства заставили разлучиться таких близких людей.

Дом Дарьи Матвеевны был такой уютный и теплый, в нем пахло козьим молоком и хлебом. Так хотелось лечь и уснуть, окунувшись в эту обстановку спокойствия и деревенской тишины. Это ночное приключение отняло у меня все силы, поэтому, как только я опустилась в маленькое мягкое кресло, мне стало понятно – как же я на самом деле устала. Женщины уселись на диване рядом со мной и начали свою неторопливую беседу. У меня же слипались глаза, но прикладывая остатки своих сил, я пыталась делать вид, что участвую в их разговоре.

– Клава, где же ты была все это время, я уж думала, что в живых тебя уже не увижу? – взволнованно начала Дарья Матвеевна.

– Мне пришлось переехать. После той истории у меня не было выбора, – усталым голосом отвечала ей Клава.

– Куда же? Как Петя?

– Нет его, уже десять лет прошло, Дашенька, – Клава тяжело вздохнула.

– Так, получается, все зря было? Ты себе всю жизнь сломала, и ничего не вышло... – Дарья Матвеевна опустила взгляд, но ни одной слезинки не показалось на ее глазах, хотя бы-

ло видно, что эта новость была для нее шокирующей. Она предстала передо мной как сильная волевая женщина. Да, ее характеру можно было только позавидовать.

– Можно и так сказать, – продолжила Клава, – да и еще тут такое дело, понимаешь, мы в бегах, – было видно, как это сообщение удивило Дарью Матвеевну.

– Как же это? Кто же это? Откуда? – слышались взволнованные вопросы.

Но я уже едва не понимала происходящего, звуки сливались воедино. Последние силы оставляли меня, и перед глазами начали всплывать картинки прошедшей ночи. Я будто снова переживала все, нечто новое и непонятное для меня. Оглушающая тишина, такого отсутствия звука мне не приходилось ощущать. Мой разум снова окунулся в сонливую негу, но как приятно было ее чувствовать.

Раньше каждый сон был подобен испытанию, и с каждым погружением оно становилось все тяжелее. Здесь же все по-другому, воздух наполнял меня, и так легко-легко становилось на душе, словно я бабочка с огромными крыльями. Непередаваемое чувство, вокруг зеленые холмы, один выше другого. Если присмотреться, можно увидеть небольшие каменные глыбы, они будто спрятались под зеленым травяным одеялом. А под ними что-то звенит и переливается. Что же это? Где-то внизу бежал ручей, прозрачный и такой резвый, что возникало впечатление, что ему все нипочем. Как странно, вроде камни такие мощные, твердые, что может сломить

их? Какую силу нужно приложить, чтобы сдвинуть их с места? А ручеек такой маленький, но все же сумел проложить себе тропинку сквозь каменные преграды, сделав их круглыми и гладкими. Получается, если чего-то очень сильно захотеть, то, невзирая на то, маленький ты или огромный, возможно преодолеть любые камни, какими большими они не были.

Как бы мне хотелось узнать хоть что-нибудь о себе и о своей жизни вне больницы. Мои размышления придают мне силы и дарят надежду. Просто необходимо еще подождать. Теперь я на свободе, и ничего не мешает мне найти ответы на вопросы, поставленные судьбой. Интересно, кто такой Петя? И почему жизнь Клавы «испорчена»? Почему она переехала из своего дома и оставила друзей? Теперь мне кажется, что я совсем не знала Клаву. Так как детей у нее не было, возможно, это ее муж, она говорила, что он умер. Здесь, кажется, все сходится, но что-то тут еще, и это куда серьезнее, чем просто болезнь. Зачем ей понадобилось ехать куда-то, даже не сказав ничего Дарье Матвеевне? Друзья должны помогать друг другу в беде. Я ничего не поняла из их разговора, но верю, что они смогут помочь мне.

Как же тут хорошо, я чувствую такой прилив сил, что, кажется, могу облететь целый мир и даже не утомиться. Это потрясающе! Впереди скалистый утес, что там на вершине? Яркий свет манил меня издалека, будто маяк в кромешной тьме. Неизвестно почему, но я не могла оторвать от него глаз,

словно неведомая сила вела меня к нему. Даже потрясающий зеленый рай померк перед его божественным свечением. Я уже не чувствовала своих крыльев, мне казалось будто я плыву, а не лечу. Свет приближался все ближе, в его очертании угадывалась человеческая фигура с крыльями. Такого я никогда не видела: человек в белых одеждах, с большими крыльями, от него исходил такой свет, что он покрывал всю землю теплом. Заметив меня, он приблизился и положил ладонь на мою голову. Волна тепла пронзила мое тело, и на душе стало так светло и радостно, будто я дома. «Кто же ты?» – спросила я. Но человек с крыльями ничего не ответил, лишь улыбнулся, поцеловал меня в лоб и, взмахнув крыльями, улетел высоко в небо, так далеко, что я больше не могла его видеть. Я была невообразимо счастлива, сложно описать то чувство, с которым я провожала его в облака. Кто бы мог подумать, я счастлива! Постепенно кровь начала наполнять мои руки и ноги, этот запах козьего молока... Ну вот, кажется, я снова на земле.

В окошко маленькой комнатки пробивалось палящее летнее солнце. Легкие цветные занавески пытались уберечь меня от зноя, но солнечные лучи настырно прорывались внутрь и красным узорчатым рисунком отпечатывались на деревянном полу. Я спустила ноги с постели с мыслями о том, какая же она была мягкая, душистая и с нее не хотелось подниматься. Никаких головных болей и тошноты, я наверно в раю. Через ступни чувствовалась легкая теплота деревян-

ного пола, нагретого солнышком. С радостными мыслями я стала осматривать комнатку.

Рядом с моей кроватью находился стол, на котором стоял букет с цветами, похожими на те, что я видела у крыльца. Они источали невероятный аромат, даже поверить сложно в то, что на моем столе живые цветы! Раньше я видела их только на картинках, а теперь они стоят так близко, что я могу дотронуться до их нежных лепестков. Все стены были увешаны старыми фотографиями, на которых были изображены какие-то люди, совершенно не знакомые мне. Они будто рассказывали о своей жизни. Среди неизвестных лиц я разглядела Дарью Матвеевну в молодости: она была потрясающе красива, совсем не удивительно, что она так прекрасно сейчас выглядит. У нее на руках сидела маленькая девочка с пышными бантами на голове. Было видно, что они очень счастливы вместе. Возможно, это ее дочь? Она так нежно обнимает ее, хотя девочка совсем на нее не похожа. А вот снова эта девочка, но уже постарше, но как она изменилась, серьезная такая стала. Взгляд у нее какой-то тяжелый, давящий, точно задумала недоброе. У меня даже мурашки побежали от ее взгляда. А вот она же, но в детстве с мамой, они играют в мяч. Интересно, а у меня есть подобные фотографии, наверняка я когда-то также играла в мяч.

Мама, какое чужое слово для меня. Возникает чувство, что я никогда никого так не называла, или просто отвыкла за все эти годы заточения в больнице. Но почему мама не

приходила ко мне? Клава о ней ничего не знает. Кстати, а где Клавдия? Где Дарья Матвеевна? Наверно я довольно долго спала, так как солнце близится к закату.

Я вышла из комнатки, в которой спала, и оказалась в гостиной. В центре комнаты стоял большой круглый стол, окруженный милыми стульчиками, прямо как в сказке о Белоснежке. Осмотревшись, я никого не нашла, но заметила впереди открытую дверь, ведущую в кухню, за которой кто-то шумел. Дарья Матвеевна хлопотала у плиты, увидев меня, она мило улыбнулась.

– Проснулась, спящая царица? – заметила меня Дарья Матвеевна.

– Кажется, да. А где Клава? – потирая глаза, спросила я.

– Давай мы сначала поужинаем с тобой, а потом я тебе все расскажу, – заторопилась она, усаживая меня за стол.

– Как? Она ушла? Она бросила меня? – тревожно спросила я, будто вся жизнь пронеслась перед моими глазами.

Ах, это чувство, когда тебя бросает лучший друг, у меня больше никого в этом застенном мире нет. Мне стало страшно, и сердце сжалось от тоски. Наверно она решила исправить свою «испорченную» жизнь и бросила меня здесь. А что если «ужасные» найдут меня и снова будут делать уколы? Я упала на пол, обняла колени руками и горько заплакала. Дарья Матвеевна никак не ожидала такой реакции, поэтому вид у нее сделался растерянный. Она подошла и опустилась на пол, обняв меня своими крепкими руками. В ее

объятых стало немного спокойнее, но сама мысль о предательстве лучшего друга ранила сердце снова и снова, я никак не могла успокоиться.

– Она ушла, но тебя не бросала, потому что слишком сильно тебя любит, – объяснила Дарья Матвеевна, пытаясь меня успокоить. – Не бойся, пожалуйста, я не причиню тебе вреда. Здесь никто не обидит, поверь. Сейчас мы встанем с пола и сядем кушать. Я тебе пирогов напекла с вареньем, ты таких, наверно, с роду не ела, посмотри, какие они румяные.

Она указала на стопку спелых пирогов на столе, которые выглядели и правда очень аппетитно, видимо, только из печи. От них до сих пор исходит белый дымок пара, а аромат... А ведь я никогда не пробовала такого. От одного взгляда на пирожки у меня заурчал живот, и стало ужасно стыдно. Просто со вчерашнего вечера я ничего не ела. Взгляд Дарьи Матвеевны такой же добрый как у Клавы, наверно, ей можно верить. Клава не оставила бы меня кому попало, тем более, если это ее лучшая подруга. Стало быть, она доверяет ей как самой себе. Я немного успокоилась и села за стол. Не успев опуститься на стул, моя рука тут же потянулась за пирожками. Я ела и никак не могла остановиться, мне кажется, в жизни никогда так не хотела есть. Какая вкуснятина! Дарья Матвеевна смотрела на меня с умилением и молчала. Казалось странным, что она так спокойно может сидеть рядом с такой вкусотищей.

– А почему вы не едите? – удивленно спросила я.

– Да сыта уже, – ответила Дарья Матвеевна, пододвигая ко мне вторую тарелку с пирогами.

– А вы расскажете мне о том, куда ушла Клава?

– Конечно, нам с тобой многое предстоит обсудить, поэтому кушай, набирайся сил. Хватит уже себя голодом истязать.

За окошком приближался закат, и облака окрасились в бордовый цвет, переливаясь в лучах заходящего солнца. Это было потрясающе красиво, пожалуй, только во сне я могла любоваться подобным. А теперь вот оно все передо мной! Да еще эти пирожки... О чем еще мечтать? Буквально два дня назад о таком я не могла даже подумать, а теперь все это реальность, окружающая меня. Сложно поверить, что я не сплю. Нет, это не сон. Это точно не сон! Клава, где же ты? Как бы мне хотелось поделиться с ней своими эмоциями, своим счастьем. Где она теперь? Все ли с ней в порядке? Надеюсь, Дарья Матвеевна мне все расскажет. У меня к ней огромная бездна вопросов.

Глава 8. «Длинный разговор»

Вдоволь наевшись вкусных пирожков, я припомнила обещание Дарьи Матвеевны рассказать мне о том, куда ушла Клава. На кухне тихонько тикали часы, словно напоминая о том, как здесь плавно течет время. На стене рядом висели разноцветные расшитые прихватки для горячего, украшенные желтыми подсолнухами. Очевидно, это шитье сделано своими руками, потому что такие вещи наполнены каким-то особенным теплом и сильно отличались от других. А она мастерица, раз успевает так вкусно готовить, да еще и рукодельничать. Окружающая нас атмосфера располагала к душевным беседам, поэтому после моей вечерней трапезы я с пристальным вниманием принялась слушать рассказ Дарьи Матвеевны:

– Ну что, наелась? – с улыбкой спросила женщина.

– Да, спасибо, Дарья Матвеевна, было очень вкусно, – поблагодарила ее я. – Вы обещали рассказать мне, куда ушла Клавдия?

– Она рассказала мне в какой вы опасности, – начала она, сменив улыбку на лице необъяснимой тревогой. – Послушай, то, что я тебе скажу – большая тайна. Если об этом кто-то узнает, тебя могут найти.

– «Ужасные»? Они обнаружили мою пропажу?

– Я уверена, что это уже произошло, – подтвердила мои

опасения она. – Клавдия Алексеевна оставила тебя здесь, чтобы уберечь от опасности. Сама же ушла, чтобы скрыть твоё место нахождения от этих людей.

– Но куда? Она вернется? – сердце снова сжалось от тоски.

– Милая, скорее всего, нет. Видишь ли, она пошла в другую деревню, в дом, где жила раньше. Это должно запутать «ужасных», как ты говоришь. Они будут искать тебя рядом с ней, а им известно, где она живет. Клавдия Алексеевна рассказала мне о твоём тяжелом состоянии и о том, как ты попала в реанимацию, поэтому тебе нужно отдыхать.

– Какую еще реа... А, не важно. Выходит, что ее могут найти, но ей грозит опасность!

– Вам обоим грозит опасность. Ей, похоже, сложно помочь. Ну, по крайней мере, она так говорила. А вот как помочь тебе, мы придумали.

– Значит, она пожертвовала собой ради меня... – Мне трудно было сдерживать слезы, поэтому я закрыла глаза руками. Передо мной то и дело возникал ее образ. Только теперь я поняла, как сильно она любила меня. – Это все из-за Пети?

– Откуда ты знаешь о нем? – удивилась Дарья Матвеевна.

– Я не знаю, просто слышала это имя. Скажите, это из-за него с Клавой приключилась беда?

– Это очень длинная история. Но раз уж ты стала ее частью, то имеешь право знать, – женщина откинулась на спинку стула и начала свой рассказ. – Давно это было. Нам с Кла-

вой было лет по пятнадцать. Мечтали тогда стать знаменитыми врачами. Жили мы с ней в соседних деревнях. А познакомились в нашем лесу, она поранила себе ногу, а я рядом проходила. Пришлось помочь, разговорились о том, о сем. Оказалось, что у нас с ней много общего. Так и дружим с ней до сих пор. У нас не было секретов друг от друга, радость или горе – все делили пополам. Ах, чудное время тогда было. Наступила пора нам поступать в медицинское училище. Клава талантливая была, анатомию на зубок знала, все до каждой косточки. Что и говорить, это было смыслом ее жизни. Помню, она сидела со мной за учебниками и объясняла что да как. Мне нравилась медицина, но, к сожалению, я плохо разбиралась в этих премудростях. В итоге, после сдачи вступительных экзаменов, Клава поступила и оказалась в числе лучших студентов, а я не набрала даже половины требуемых баллов.

– И что же? Неужели вы поссорились?

– Что ты, нет, конечно. Через два года я поступила в архитектурный.

– А с Клавой вы виделись?

– Виделись редко, но писали друг другу достаточно часто. Она рассказывала, сколько всего нового и интересного она узнает о медицине. Я даже помню, как она сделала первый укол. Да, ей бы врачом быть. Она подавала большие надежды, отличницей стала.

– Как странно, а у нас в больнице она работала уборщи-

цей. Неужели она разучилась? – удивленно спросила я.

– Нет, обстоятельства так сложились. Да ты не торопись, сейчас все расскажу тебе, – осадила меня Дарья Матвеевна и продолжила. – Клавдия с отличием закончила училище и поступила в институт. А на первом курсе познакомилась с Петром Семеновичем Крамовым, лаборантом, работал у них там. Тут-то все и началось. Эта роковая встреча перевернула полностью ее жизнь. Они долгое время близко дружили. Я даже немного ревновала ее к нему. Потом успокоилась и решила наладить отношения с Петей, подруги все-таки. Клава решила нас познакомить. Он мне сразу не понравился: щуплый такой, в очках, а глазенки так и бегают. Тревога закралась мне в душу. После его ухода я долго пыталась объяснить Клавдии, что он непростой человек, что тревожно мне за нее. Клавдия и слушать меня не хотела, она рассердилась на меня, заявила, что я просто от зависти так говорю ей. Она сильно обидела меня тогда. Это был тот единственный раз, когда мы с ней серьезно поссорились.

– Но почему она вас не послушала? Она не доверяла вам?

– Она была влюблена в него. А любовь это такая вещь...

– Любовь? – спросила я, мне было чуждо это чувство.

Дарья Матвеевна улыбнулась и, поднявшись из-за стола, вышла в комнату, где я спала утром. Спустя пару минут женщина вернулась обратно, неся в руках старую фотографию.

– А где же Петр Семенович? Где он сейчас?

– Ох, милая, любовь она такая обманчивая. Трудно ска-

зять, что такое любовь, — Дарья Матвеевна глубоко вздохнула и замолчала, словно вспомнила что-то. — Это вроде как позволить части тебя разгуливать где-то рядом. Ты всегда переживаешь за свою частичку и очень радуешься, когда она рядом. Иногда, ты так увлечен ею, что начинаешь забывать о себе и даже о здравом смысле, тогда любовь поедает тебя без остатка. Так случилось с Клавой, — женщина глубоко вздохнула и добавила, — и со мной.

— Что это значит?

— А то, что здравый смысл для нее перестал существовать, она не замечала никого, кто говорил что-либо о нем. Да и сама я тоже была такою, когда полюбила. Видимо, меня Бог наказал, упрекала ее во всем, вот и сама обожглась. Вышла замуж за первого парня на деревне. Бабушки говорили, что непутевый, а я не слушала и не думала ни о чем. Может быть, конечно, судьба у меня такая.

— А что пошло не так?

— Гулящий он был да выпивал много. Дочка у нас родилась, Соней назвали. Я думала, что после ее рождения обрзумится он. В школе толком не учился и после никуда не пошел. Работал грузчиком на фабрике. Ох, сколько я слез пролила, да все напрасно. Но я любила его, молодость, ветер в голове. Мне очень нравилось в нем его свобода, считала его «крутым», как тогда говорили все парни в деревне. А в итоге — закончил он тоже «круто».

— Он умер? — осторожно спросила я.

– Напился после работы, как всегда, и по дороге домой под машину попал. Его не стало, но только жизнь моя не наладилась. Я считала себя самой умной, что мне никто не указ. Последняя радость у меня была, моя Сонечка, но и ее я не уберегла. Вся в отца пошла. Как повзрослела немного, решила уехать от меня в город, а точнее убежать. Она говорила, что я ее все время контролирую, жить ей не даю.

– И вы ее отпустили? Вот так одну?

– Нет, конечно, я удерживала ее, как могла, документы спрятала, дома запирала. Но все было напрасно. Однажды я вернулась домой из магазина, а ее уж след простыл. Я и в милицию, и в газету и куда только не обращалась, так и не нашла ее. Будто исчезла, без документов и денег. Где она скиталась, никто не знает. Уже достаточно времени прошло, поговаривали, что померла она, что волки ее загрызли. Ты ведь знаешь, лес у нас дремучий, а если поглубже зайти, то можно на волков наткнуться. Я отказывалась верить в это, да видно ничего не сделать. Мне в милиции сказали, что в этом году ее признают без вести пропавшей. Так что нет у меня теперь ни мужа, ни дочери.

Ее взгляд опустился на фотографию, и она замолчала. Было видно, как ей тяжело, и сколько горя выпало на ее долю. Но ни одной слезинки не показалось на ее глазах, видимо, за всю ее нелегкую жизнь несчастья иссушили все ее слезы и закалили характер. Так хотелось обнять и пожалеть ее. Зачем я спросила у нее про любовь? Нужно было срочно воз-

вращать ее из темного прошлого.

– Дарья Матвеевна, а что же стало с Клавой?

– Она вышла замуж за Петра Семеновича. Сначала она была счастлива. Только потом, спустя некоторое время поняла, что его страсть к деньгам, понемногу лишает его рассудка. Петр был очень жесток с ней. Клаве приходилось работать на трех работах, чтобы содержать семью, но все деньги откладывались на так называемый «черный день». Для него это была навязчивая идея. Клава пыталась прятать от мужа деньги, скрывала их как могла, чтобы прокормить и его, и себя, а то, что не удавалось уберечь, он отбирал и закапывал во дворе. Это переросло в психическое заболевание, хотя раньше он был, на мой взгляд, не слишком-то здоров. Ах, как же Петр вымотал Клаву, она голодала. Прошло некоторое время, и его болезнь стала очевидной. Петр совсем обезумел, ему требовалось лечение дорогими лекарствами. Клава устроилась в больницу, где работала сначала врачом-терапевтом, но денег на лекарства все равно не хватало. Тут в нашу больницу пришел новый главврач, очень состоятельный. Поговаривали, что он ученый и что-то исследует. Подробностей я не знаю, Клава не говорила, чем именно он занимается. Она помогала ему в исследованиях, за это он снабжал ее необходимыми лекарствами для мужа. Но вдруг у них что-то пошло не так, это было связано с нарушением закона что-ли, подробностей я не знаю, но Клаву стали шантажировать, слишком много денег она была должна за то лекарство, ко-

торое брала. С тех пор я не видела ее. Поэтому, когда вы появились у меня на пороге, я не могла поверить своим глазам.

– Получается, в больнице ее держали силой?

– Похоже на то. Но я мало понимаю, что там происходит на самом деле.

– А можно с ними как-то бороться?

– Мне кажется, мы только навредим ей. Тем более у нас нет никаких доказательств. Без Клавы мы ничего не докажем, а если бы она осталась здесь, то все бы мы оказались в большой беде.

– А что же делать со мной? Я даже не знаю, откуда взялась в этой проклятой больнице. Я всю жизнь до сегодняшнего дня провела в палате, мне делали уколы. Клава рассказала что-нибудь обо мне?

– К сожалению, почти ничего. Только лишь то, что вы бежали вместе. О твоей болезни я ничего не знаю, но мы еще с ней разберемся. Она сказала, что теперь кроме меня у тебя никого нет, и только я смогу подарить тебе нормальную жизнь.

– Как же это возможно, у меня даже имени нет.

– Я буду называть тебя Соней, как мою дочь. Ее больше нет, – она грустно посмотрела на меня, – ты сможешь стать ею.

– Как это? – мне сложно было представить то, как можно превратиться в другого человека и жить его жизнью.

– Ты станешь моей пропавшей без вести дочерью. Конеч-

но, это будет звучать дико, что ты нашлась. У нас в деревне все тебя будут считать пропащей душой, тебе нужно будет к этому подготовиться. Репутация у моей дочери была не очень. Ну, о мертвых плохо не говорят. Господь послал мне тебя, видимо, дает мне второй шанс. Поверь, я буду хорошей мамой. А ты обретишь семью.

– Семейку? Вот это да, – от чувства нечаянной радости у меня заблестели глаза, я готова была заплакать в тот момент.

– Мы изменим тебе прическу, приоденем, никто и не догадается, что ты не моя дочь. А завтра утром я пойду и сообщу, что ты нашлась. Теперь все будет хорошо.

– Жить чужой жизнью? – спросила я.

– Нет, это твоя жизнь, просто я тебя удочеряю, – успокоила меня Дарья Матвеевна. – У тебя же нет мамы, а у меня нет дочки.

– Что ж, если нет другого выбора, я согласна. Все равно я о себе ничего не знаю. Да и здесь лучше, чем в больнице.

– Ты можешь звать меня мамой, – сказала Дарья Матвеевна и ласково улыбнулась.

– Мне трудно, я раньше так никого не называла, – что-то защемило внутри от мыслей о том, что теперь у меня будет мама.

– Хорошо, я подожду. Посмотри-ка, уже совсем стемнело, а мы с тобой все разговариваем.

Я посмотрела в окно. Там действительно было темно, только редкие фонари тоскливо освещали небольшие участ-

ки дороги. От всего того, что случилось в моей жизни за последнее время, голова шла кругом, а еще эта слабость от ночного побега давала о себе знать, поэтому Дарья Матвеевна проводила меня до кровати, накрыла одеялом и поцеловала. Это было так странно, мне раньше не доводилось чувствовать подобного. Неужели теперь я как все? Мягкая постель окутывала мое тело со всех сторон и дурманила сонливой негой. Еще чуть-чуть и я снова засну. Если все, что сейчас со мной происходит – волшебный сон, то я не хочу просыпаться...

Глава 9. «Обман»

Тень, странная тень заслоняет солнце. Я пытаюсь разглядеть происходящее вокруг, но не могу. Сделав пару шагов навстречу свету, мне удалось разглядеть небесное светило. Оно светило холодным лунным светом. Что за чудеса? Может сейчас ночь, не смотря на то, что вокруг абсолютно светло? Неясное солнце-луна смотрело на меня с небес, будто посмеиваясь над моим удивлением. Я сделала еще пару шагов и почувствовала у себя под ногой нечто твердое – это была клубничная грядка. О, что за чудо: каждая ягодка переливалась росой, играющей в лучах псевдосолнца, источала невероятный аромат и то и дело напрашивалась, чтобы ее съели. Я не удержалась и сорвала одну. Каково же было мое удивление, когда вместо сочной ягоды я ощутила горький отвратительный привкус. Второе разочарование, как же обманчиво бывает первое впечатление.

Все вокруг не похоже само на себя, чувствуешь себя обманутой, а теперь еще эта горечь во рту. Я продолжила свой путь. Мое окружение было восхитительным: все вокруг благоухало, блестело, цвело. Зеленые кроны деревьев шелестели над головой, но, почему-то мне не хватало воздуха. Среди обилия зеленой массы выделялся вековой дуб. Многочисленные резные ветви густо переплетались между собой так сильно, что сквозь листву не было видно фальшивого

солнца. Я дотронулась до его ствола и почувствовала теплоту. Бархатистая кора ровными чешуйками покрывала могущественный дубовый стан. Мне страшно захотелось обнять его. Наверно, в тот момент я совершенно забыла и о лживом солнце, и о горькой клубнике. Ветерок колыхал мои распущенные волосы, словно пытался меня отогнать от дерева, но я стояла как приклеенная.

Вдруг раздался резкий треск, и кора под моими руками начала расходиться, все то, что успокаивало меня до этого момента, рассыпалось у меня в ладонях. Я пыталась что-нибудь сделать, удерживала трещины, но они становились все шире. От безуспешности своих стараний мое обессиленное тело рухнуло на колючую траву. Я лежала и смотрела на то, как последние остатки могучего дерева рассыпаются у меня на глазах. Душу разъедало чувство бешеной тоски. То единственное настоящее в этом мире обмана разлетелось на тысячи кусочков, осталось лишь одиночество и ложь... Такая прямолинейная ложь, без увиливаний и изощренной фантазии. Мне вроде все понятно, но почему-то, я продолжаю в это верить. Я снова иду дальше, смотрю на солнце, пробую горькую клубнику и все – это словно замкнутый круг.

Когда в очередной раз пронзительная горечь обожгла мой язык, я решила бежать и сорвалась с места, зажмутив глаза. Мир с закрытыми глазами был уродлив: солнце, на самом деле, было неоновой лампой, клубника – колючим сорняком, только лишь дерево, разлетевшееся на тысячи малень-

ких хрустальных слезинок, как и раньше, источало теплоту и нежный свет. Осколки стали еще прекраснее, чем были раньше. Я взяла один из них в руку и прижала к груди. От маленького хрустального камушка теперь исходило не просто тепло, а согревающее пламя, пламя всеобъемлющей любви. Каждая слезинка, попадая на землю, прорастала в удивительный цветок, который за считанные секунды выпускал свои бутоны и, распуская свои потрясающей красоты лепестки, источал невообразимый аромат.

Спустя несколько минут вся колючая трава вокруг меня покрылась великолепными цветами. Это было потрясающе, будто меня окружил океан любви. Мне стало спокойно и невероятно легко. Я то и дело поглаживала нежные лепестки, упиваясь их ароматом, но фальшивое солнце по-прежнему продолжало светить с небес, а вкус горькой клубники все чаще стал напоминать о себе. Как все это странно. Как может быть так хорошо и невыносимо плохо одновременно?

Я поднялась и пошла прочь. Внутри боролось два начала: спокойствие и тревога. Их борьба сводила с ума. Одно влекло меня и убаюкивало, другое – раздражало и будоражило рассудок. Надо бежать из этого мира обмана и лжи.

Перескакивая через коряги и колючий репейник, я бросилась неизвестно куда. Извилистые ветви обезображенных кустарников цеплялись за мою одежду, теперь они не прятались за маской пышной зеленой кроны, а демонстрировали мне свои обезображенные лица. В тот момент мне казалось,

что этот кошмар никогда не кончится.

Неожиданно для меня я споткнулась и упала. Со всех сторон на меня полезли колючие ветки. Они обвивали мои ноги и руки, мне стало по-настоящему страшно. Я начала кричать, а неведомая темная сила приподняла мое неподвижное тело и начала трясти.

– Сонюшка! Сонюшка, проснись! – надо мной стояла Дарья Матвеевна и из последних сил трясла меня. – Милая моя, проснись!

– Я спала? Опять сон? – отряхивая сон с ресниц, спросила я.

– Девочка моя, это был просто плохой сон.

Она обняла меня и вздохнула с облегчением. В ее объятиях я поняла, что все это закончилось. От пережитого слезы потекли по щекам, я плакала и не могла остановиться.

– А я думала – это конец, понимаете? Совсем конец!

– Нет, солнышко. Ты дома, мама рядом, тебе никто не причинит вреда.

Она вытерла мои слезы и поцеловала, сначала в одну щеку, потом в другую. Это было потрясающе. Раньше меня целовала только Клавдия, но это было совсем иначе. Эти поцелуи будто свет, который через щеки попадает прямо в сердце, согревают душу, и все вокруг становится хорошо, словно и ничего не было.

– Сонечка, ты успокоилась?

– Да, теперь мне намного лучше.

– Как говорила, моя бабушка: куда ночь – туда и сон.

– Как здорово она говорила, наверно она все на свете знала.

– Да, хорошая она была. А мудрая... Бывало, придешь к ней со своей бедой, расскажешь, наплачешься, а она скажет тебе пару слов. Смотришь – а беды уж и след простыл. Эх, жаль, что нет ее. Да ничего, жизнь идет, и мы мудреем. Да, ты не раскисай, пойдем лучше вареники кушать, нам еще с тобой сегодня куча дел предстоит.

– Каких дел? – удивилась я.

– Пойдем к Лариске, она тебе прическу делать будет, документы в милиции оформим, и в школу вечернюю тебя построим.

– Настоящую школу!?

– Конечно, не будешь же ты у меня неученая. Человека из тебя сделаем. Отучишься, освоишься, на ноги встанешь, вот увидишь, все наладится, забудешь свои кошмары.

От ее слов становилось как-то спокойнее на душе. Я уже рисовала себе то, как пойду в школу с портфелем и тетрадками. Об этом раньше я только читала, Клава мне многое рассказывала, а теперь все это становится реальностью.

– А у меня будут тетрадки?

– Да.

– А учебники?

– Да.

– И я буду делать настоящее домашнее задание?

– Ну, конечно, будешь, только давай с тобой договоримся, чтобы никто не заподозрил о тебе неладное, ты не должна говорить, как ты попала ко мне, и о том, что знаешь Клаву. У тебя пропала память, и ты начинаешь заново свою жизнь. Всем по деревне мы растрезвоним о том, что тебя нашли в бессознательном состоянии, а когда ты очнулась, то оказалось, что ничего из своей прошлой жизни ты не помнишь. Это будет почти правдой, ведь ты и правда ничего не помнишь о себе?

– Да, совсем ничего, – согласилась я.

– А сделать так, чтобы об этом все узнали, совсем несложно, достаточно рассказать эту историю Лариске. Да ты не бойся, стрижет она отменно, пожалуй, это единственное, что она умеет делать в свои тридцать пять. Так что давай, мы должны успеть до обеда, а то наш участковый после обеда в город вечно уезжает, а документы надо оформлять. Если бы ты знала, сколько сил нужно для этого.

Она продолжала ворчать что-то под нос, то и дело взмахивала руками. Но было видно, что ее жизнь наполнилась каким-то смыслом с момента нашей первой встречи. Она часами пропадала на кухне, каждый раз изобретая для меня разные кушанья. Такой еды я с роду никогда не пробовала, и каждое блюдо было лучше предыдущего. Дарья Матвеевна за эти два дня стала для меня невероятно заботливой мамой, даже подарила мне новое красивое платье. Раньше я никогда не носила платьев, поэтому, когда Дарья Матвеевна его дала

мне, я даже не сразу поняла, как его надеть, но оно было великолепно. Сшитое из нежно голубой легкой ткани, оно так и струилось в моих руках. Кокетливый короткий рукавчик замечательно подчеркивал мои страшно худые плечи и руки, что они не казались теперь такими изможденными. Аккуратный белый горошек игриво украшал голубую ткань, а подол клешеной юбочки был украшен нежным белым кружевом.

После того как мне все же удалось надеть платье, я вышла в гостиную. Дарья Матвеевна посмотрела на меня и охнула.

– Прямо как моя Сонечка. Какая ты хорошенькая.

– Правда? Это платье носила раньше ваша дочь?

– Это платье я подарила ей на последний ее день рождения до побега. Но она его даже не померила.

– Почему, оно же такое красивое? – спросила я.

– Она сказала, что эти тряпки совсем не модные и швырнула платье мне в лицо. А мне так хотелось подарить ей что-нибудь по-настоящему женственное. Она у меня вечно в штаны нарядится и носится с мальчишками, по деревне ее не найдешь. Придет под вечер, схватит со стола что попало и спать завалится. Что она делает весь день, что ест, я не знала. Пыталась я с ней разговаривать, да все без толку. Сонька считала меня темной, думала, что я ничего не понимаю, а я ведь все прекрасно понимала. Росла она сама по себе, я все за ее папашей бегала, а она на улице, вот и выросла себе на погибель.

Было видно, что эти разговоры о дочери глубоко ранят Да-

рю Матвеевну. Каждое воспоминание давалось ей чрезвычайно тяжело. Она старалась говорить легко, как бы непри-
нужденно, но я замечала, какую невообразимую рану тере-
бят эти воспоминания. Наверно, это так тяжело видеть во
мне свою дочь, но, с другой стороны, у нее теперь новые хло-
поты, она ухаживает за мной, радуется, улыбается. Может,
для нее еще не все потеряно в этой жизни, и я к ней попала,
чтобы спасти ее от горя. Клава спасла меня, а я спасу Дарью
Матвеевну. От этой мысли у меня зарделись щеки, я пред-
ставила себя рыцарем на белом коне, оберегающим унижен-
ных и оскорбленных. Вспомнилась моя победа над смертью,
силы вновь вернулись ко мне. Мы вышли во двор с прекрас-
ными цветами. Для себя в тот момент я понимала, что вот
она настоящая жизнь. Моя жизнь без всякого обмана.

Глава 10. «Тихая гавань»

Жизнь шла своим чередом. День за днем одни события сменяли другие. Когда все хорошо, дни летят незаметно. Школу я закончила с отличием, потому что мне нравилось получать новые знания, и все пробелы, остававшиеся в голове, наполнялись и преобразовывались во что-то осознанное и потрясающее. Учителя хвалили меня, поражались моей жизненной перемене. Бабушки в деревне при виде меня начинали креститься и говорили, что «все молитвами Дарьи Матвеевны». Забавные они, как только наступало утро, бабушки выползали на скамейку перед кирпичным домом и начинали свои длинные разговоры. Что только они не обсуждали, для них каждая мелочь – событие вселенского масштаба. Самая замечательная из них – Зинаида Дмитриевна. Эта милая женщина не раз рассказывала мне что-нибудь интересное. Выглядела она всегда аккуратно, точно собиралась на свидание. Ее морщинистое лицо всегда было покрыто румянцем, а длинные седые волосы изящно закручены в пучок. Зинаида Дмитриевна носила очки, но частенько снимала их и клала рядом на скамейку. Она всякий раз возмущенно говорила о том, как ей не нравится носить очки, но когда возникала острая необходимость надеть их, очки волшебным образом исчезали, и бедная старушка суетливо начинала ощупывать пальцами все вокруг. Однажды проходя мимо

той самой лавочки, я увидела несчастную Зинаиду Дмитриевну в поисках своих очков и решила подойти и помочь ей.

– Баба Зина, опять вы потеряли свои очки?

– Окаянные, опять куда-то запропали, – она сердито хлопнула себя по коленке и продолжила свои поиски.

– Так вот же они, – я заметила их на голове старушки, видимо, Зинаида Дмитриевна надела очки на голову, но совершенно забыла об этом.

– Где? – удивленно возмутилась старушка.

– У вас на голове, – бабушка смущенно потянулась рукой к голове и, наконец, нашла пропажу.

– Вот спасибо тебе, Соня. Совсем уж я старая стала, собственные очки на голове найти не могу, – она мило улыбнулась мне, и мы дружно посмеялись над нелепостью ситуации. Оправив подол юбки, она продолжила, как ни в чем не бывало. – Как там твоя мама поживает?

– Хорошо, все работает. Дома у нас козленок родился, маленький такой, Снежком назвали.

– Ох, еще одна морока. Ты у матери в магазине работаешь?

– Да так, помогаю ей немного. Она говорит, что нам пока денег хватает, не разрешает мне работать где-то еще. А мне бы хотелось чем-то себя занять кроме домашнего хозяйства и магазина.

– Дома тоже работы хватает, вон сколько у вас скотины.

– Что верно, то верно, – я взглянула на часы, до прихода

Дарьи Матвеевны оставалось не так много времени.

– Ты спешишь? – поинтересовалась бабушка.

– Да так не очень, – соврала ей я, мне было жаль оставлять ее одну.

– Присядь со мной, подружки мои сегодня по огородам сидят, никого не дозовешься.

– Ну, хорошо, составлю вам компанию, – согласилась я.

Солнышко грело сегодня как никогда. Скамейка находилась под кроной высокого дерева, поэтому в жаркие дни, похожие на этот, здесь было прохладно и хорошо. Я присела рядом с Зинаидой Дмитриевной.

– Ты наверно думаешь, что со мной тебе и поговорить будет не о чем? – прищутив правый глаз, сказала старушка.

В деревне многое говорили о Зинаиде Дмитриевне. И то, что она сумасшедшая колдунья, что по ночам бродит одна, даже побаивались с ней общаться. У нее был совсем маленький круг общения, и им она очень дорожила.

– Ну что вы, баба Зина, это неправда, – сказала я, устраниваясь поудобнее.

– Да ладно, не оправдывайся. Вид у тебя измотанный, видимо всю ночь путешествовала? – я удивленно посмотрела на нее.

– Да чего мне только не приснится. Мама говорит: «куда ночь – туда и сон», – Зинаида Дмитриевна загадочно посмотрела на меня.

– А куда, по-твоему, уходит ночь? – старушка сняла очки

и положила их рядом на лавочке.

– Ну, так луна сменяется солнцем и наоборот.

Только я начала размышлять над этим вопросом, как мой рассказ прервал черный кот. Он долго высматривал сидящего на заборе воробья, и как только птица замерла, кот бросился на нее. Забор оказался не совсем прочным и не выдержал напора, с треском накренившись в нашу сторону. Было видно, что старушка была рассержена, она гневно прошептала себе что-то под нос и придвинулась ближе ко мне. Забор замер под странным углом, но не упал.

– Ничего себе, как повезло, сейчас пришлось бы выбираться из-под старого забора, – удивленно произнесла я и увидела, как баба Зина с досадой достает очки, на которые только что присела.

– А вот это уже неприятно, – мне искренне хотелось помочь ей. – Хотите, я отнесу ваши очки в ремонт?

– Не стоит, я починю их сама, – уверенно произнесла старушка.

– Но у вас треснуло стекло, здесь без нового не обойтись.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – Зинаида Дмитриевна поднялась с лавочки и хотела пойти в дом. Но как только она сделала шаг, лавочка перекосилась, и я рухнула на землю. Деревянное сиденье свободным краем поднялось вверх и зацепило накренившийся и без того забор. Поэтому в один миг деревянная громадина полетела на меня вместе с несчастным забором. Да, это было очень больно. Старушка поспе-

шила мне на помощь. Она без конца что-то шептала. Сначала она самостоятельно подняла забор. Это было весьма необычно. Как такая хилая старушка смогла это сделать одна? Я недооценивала хрупкую бабу Зину. Я сильно поцарапала себе колено, даже порвала свое любимое платье, а ведь это был подарок от мамы. Кровь тоненькой струйкой стекала вниз по ноге. Зинаида Дмитриевна пригласила меня в дом и любезно предложила промыть мне рану.

– Ох, что-то сегодня все наперекосяк, – продолжала вздыхать баба Зина. Она все время что-то шептала, разводила руками. Видно было, что женщина уже выжила из ума, ее действия и странный шепот казались сумасшествием. Но потом она взяла мокрую тряпочку и протерла мою ногу. Я не могла поверить, у меня не было на ноге даже ссадины.

– А где кровь? – удивленно спросила я. Старушка мило улыбнулась мне и помогла встать.

– Иди домой, – сказала она, – ты слишком долго была на солнце сегодня.

Попрощавшись со старушкой, я пошла к выходу. Баба Зина опять начала искать свои очки, но в этот раз она справилась сама и, как ни в чем не бывало, надела их на нос и пошла. Я, похоже, схожу с ума вместе с Зинаидой Дмитриевной или она действительно ведьма.

В странных чувствах мне удалось дойти до дома без приключений. Ночные кошмары донимали меня все меньше. Жизнь обретала более ровные очертания. Я все меньше и

меньше вспоминала о тех ужасах, которые мне удалось пережить в детстве. Вначале было трудно общаться с односельчанами, они воспринимали меня как прокаженную. «Непутевая» говорили они. Дарья Матвеевна утешала меня каждый вечер, но, по большому счету, все это не так сильно тревожило меня, ведь раньше я мечтала о том, что можно будет выходить из дома, общаться с людьми. Да, я знаю, люди бывают и плохие, и хорошие, но если подумать, что есть хороший человек, а что плохой? И кто эти рамки задает? Сам человек. Получается, мы сами приклеиваем на человека звание плохого или хорошего. Взять хотя бы дочь Дарьи Матвеевны. У нее было непростое детство. Я знаю, каково это потерять отца и мать. Пусть даже она не теряла ее, но они практически не общались. Они потеряли себя друг для друга, что куда хуже. Может, ей было тяжело, она пыталась найти для себя что-то такое, что помогло бы ей справиться с горечью утраты. Общество только указывало на проблемы, чем еще сильнее ухудшало ситуацию. Мне жаль ее, у нее не хватило сил бороться со всем этим. Но я смогла пережить неприятности и найти здесь близких людей, пусть даже таких странных, как баба Зина.

– О чем задумалась? – неожиданно прервала мои размышления Дарья Матвеевна.

– Да так, думала о том, как мне с тобой хорошо, – Дарья Матвеевна подошла ко мне и обняла.

– Милая моя, все будет хорошо. Иди спать, у тебя очень

усталый вид.

Я из последних сил поплелась в свою комнату и рухнула на кровать.

Глава 11. «Подарок»

Утром я проснулась в отличном настроении. Лето как всегда радовало ясными теплыми деньками. Солнечные лучи пробивались в мою комнату сквозь цветные занавески и тихонько расстилались по дощатому полу. Позавтракав, я отправилась к маме в магазин. Настроение было на высоте. В такую жару хочется пойти на речку, окунуться в прохладную воду и забыть обо всех делах на сегодня, но, к сожалению, мне нужно было идти на работу.

Дарья Матвеевна работала в магазине совсем одна, а дел у нее было много: прием и учет товара, продажа и многое другое. Я страстно хотела помочь ей, поэтому мама доверила мне склад. Каждый раз, проходя мимо загруженных коробками полок, я размышляла о том, как изменилась моя жизнь. Раньше у меня ничего не было, и кроме рисования заняться было нечем, а здесь я как императрица обходила свои владения и расставляла все по местам. Всякий раз, когда в процессе торговли тот или иной продукт покидал свое место, мой придирчивый взор находил его и возвращал обратно.

Моя новая мама очень гордилась мной. Однажды ей нужно было отойти ненадолго, и она доверила мне прилавок. Так было интересно наблюдать за реакцией покупателей в тот момент. Репутация у меня была, прямо скажем, не очень, поэтому все кто заходил в магазин вели себя очень осторож-

но. Некоторые вовсе уходили прочь, а те, кто посмелее, осторожно делали заказ и ждали от меня какого-то подвоха или грубости. Но каково было их удивление, когда я максимально вежливо обслуживала их, быстро собирала все необходимое и верно высчитывала стоимость покупки. Слухи обо мне поползли по всей деревне, в тот день я стала королевой магазина. Со мной начали здороваться люди, и я перестала чувствовать себя изгоем. Жизнь пошла на лад.

Но, не смотря на мою любовь к работе, сегодня идти никуда не хотелось. Я медленно плелась по улице и отвлекалась на все, что встречалось по пути. Солнышко припекало, пели птицы, а внезапно налетавший ветерок дарил столь желанную прохладу. Так, ни о чем не думая, я прошла половину своего пути, и вдали показался кирпичный дом Зинаиды Дмитриевны. После вчерашнего происшествия несчастная деревянная лавочка валялась на земле. Бедные бабушки наверно очень огорчились по этому поводу, ведь это было их излюбленное место. Но повернув голову на противоположную сторону улицы, я увидела все тех же бабушек, но уже на лавочке около дома Лариски. Бедная Зинаида Дмитриевна, из-за моей неосторожности она лишилась своих собеседниц. Самостоятельно к ним она не приходила, а бабули-сплетницы нашли себе новое место для досужих разговоров.

С грустными мыслями я добрела до калитки бабы Зины. Старушка как всегда что-то шептала и разводила руками, наверно, снова потеряла очки. Как только я поравнялась с ее

калиткой, бабушка подняла на меня голову, а у нее на носу были надеты очки, те самые, на которые она вчера села. И все бы хорошо, но очки у нее были целые. Це-лы-е!!! Каким образом Зинаида Дмитриевна смогла их полностью починить всего лишь за ночь? Видимо, я схожу с ума.

– А ведь очень хорошо, что я тебя встретила.

У старушки появилась таинственная улыбка, казалось, что она знает что-то, чего не знаю я. Это выражение лица немного настораживало и пугало. Зинаида Дмитриевна всегда была немного не в себе, но сейчас этот факт заставлял думать о том, как поскорее от нее убежать. Старушка, чувствуя мою встревоженность, не подала никакого вида и продолжила наш разговор.

– Сегодня у тебя день рождения, поздравляю. Тебе исполнилось двадцать два, какой чудесный возраст, – старушка продолжала загадочно улыбаться, наблюдая за моим удивленным взглядом.

За те годы, что я прожила в этой деревне, я научилась быть Софьей Котовой, я праздновала свой день рождения зимой, а сейчас на дворе было лето, да к тому же мне было уже двадцать два. Мне стало жаль старушку, казалось, она уже совсем умом ослабла.

– Ну что вы, баба Зина, день рождения у меня уже был зимой, и мне уже двадцать два, – я снисходительно посмотрела на старушку, но она была непреклонна. Ее лицо снова озарила таинственная улыбка.

– Ты же не знаешь когда твой день рождения, – старушка наклонилась к моему уху и тихонько прошептала, – настоящий...

Я остолбенела от услышанного. Никто в деревне не знал о том, что я не Соня. Зинаида Дмитриевна странная, соседи смеются над ней, а общение со мной всегда вносило в ее жизнь разнообразие. Если бы она знала, что я всех обманываю, то давно об этом знали все. Сначала бабушки на лавочке, потом вся деревня. В конце концов, она могла просто угадать, мало ли что ей сегодня пришло в голову. Успокаивая себя этими мыслями, я продолжила прояснять ситуацию.

– Ну что вы, конечно же, я знаю, когда у меня день рождения. Мы отмечали его зимой, еще снегу навалило тогда, нельзя было до города добраться. Пришлось стол накрывать из запасов на зиму. Мама тогда сотворила настоящее чудо.

Старушка вдруг стала серьезной, улыбка пропала с ее лица. Она протянула мне руку и произнесла:

– Хочешь, я покажу тебе настоящее чудо?

Я растерялась, не зная, что и ответить. Сегодня Зинаида Дмитриевна была как никогда загадочна. Мне приходилось раньше бывать у нее в гостях. Как-то жаль было ее. Семьи у нее не было, а подруги-старушки с лавочки общались с ней осторожно, считая сумасшедшей. Почему-то я решила поддержать ее и протянула руку в ответ. Старушка мило улыбнулась и повела меня в свой сад.

Сад Зинаиды Дмитриевны был крайне неухожен. Дома у

мамы каждая грядочка была на своем месте, а здесь росли сорняки, полевые цветы, лохматые кустарники и дикие груши. Создавалось ощущение, что это заброшенный сад, что у него нет хозяина, а судя по нетронутой траве, в высоту достигавшей моего пояса, сюда давно никто не заходил. Все это казалось, таким странным, как и сама хозяйка сада. Мы с трудом пробирались сквозь разросшиеся кусты ежевики, заполонившие все пространство между переросшими деревьями. Ягоды переспели и тяжелым грузом висели на ветках и источали приторный сладкий запах. Как только старушка задевала ветку, ягоды сыпались на землю, а заодно окрашивали в темный цвет одежду нежданных гостей. Стало как-то не по себе, мои ноги покрылись царапинами от ежевичных колючек, но баба Зина настырно продолжала идти вглубь сада.

– Может, мы не полезем дальше? – с тревогой спросила я у нее.

– Мы уже на месте, – уверенным голосом ответила Зинаида Дмитриевна.

И правда, я подняла голову и увидела колодец. Он был закрыт огромным амбарным замком. Причем замок выглядел очень странно, у него не было отверстия для ключа. Поверхность его заржавела, казалось, только тронь и он рассыплется на сотни маленьких кусочков. Старушка подошла к замку, неспеша наклонилась и что-то прошептала. Мне не показалось, она шептала замку, практически касаясь его губами. Замок чуть дернулся и открылся.

– Вот это да, – не удержалась я, – это чудо вы мне хотели показать? Вы умеете показывать фокусы? – баба Зина таинственно посмотрела на меня и улыбнулась на мгновение, а когда открыла дверцу колодца и принялась медленно крутить ручку. Колодезная цепь начала позвякивать, и через некоторое время ведро оказалось на поверхности. Старушка достала ведро и протянула мне.

Так странно, ведро оказалось удивительно маленького размера, не больше литровой кружки из-под молока.

– Угощайся, – старушка продолжала смотреть на меня.

– Какое забавное у вас ведро, – не скрывая улыбку, сказала я и взяла ведро с водой. Но каково было мое удивление, когда увидела, что вода в нем неестественно голубого цвета.

– Какая странная у вас в колодце вода, – с некоторой опаской сказала я.

– Это не простая вода, попробуй, тебе понравится.

– Нет спасибо, мне не хочется пить, – я аккуратно поставила ведро на землю и стала отступать понемногу назад, но старушка настаивала.

– Поверь мне, сегодня действительно твой день рождения, – продолжала упорствовать старушка. Я поняла для себя, что все это уже слишком, и начала было уже пробираться в сторону выхода, как вдруг баба Зина мне выдала:

– Я знаю, что ты не Соня, и что Дарья Матвеевна тебе не мать.

Я тут же остановилась, не зная, что сказать, только медленно повернулась в сторону колодца. Зинаида Дмитриевна смотрела на меня изучающим взглядом.

– Что вы сейчас сказали?

– Я знала ту Соню очень хорошо, ты на нее совсем не похожа. А тебе сегодня действительно исполнилось двадцать два, это значит, что ты готова, – совершенно серьезно сказала Зинаида Дмитриевна. Она подошла к ведерку, подняла его и снова протянула мне.

– Готова к чему? – в моей голове по-прежнему не укладывалось то, что кто-то может знать правду.

– Готова стать сноходцем. Пей.

– Стать кем? Откуда вы узнали? – я была обескуражена услышанным, она, конечно, слаба умом, но чтобы на столько.

– Тебя зовут Ноэль. Ты сноходец и потомственная чародейка. В этом колодце находится источник магии, которая наполнит тебя и позволит открыться силе сна, – ее слова звучали как полный бред.

– Что за имя такое «Ноэль», и с чего вы решили, что я поверю во всю эту ерунду?

Старушка молча подняла руки и снова что-то начала шептать себе под нос. Казалось, кусты, внимая ее шепоту, начали переплетаться еще сильнее, сковывая пространство вокруг нас в плотное кольцо. Спелые ягоды градом посыпались на землю. Я не могла поверить во все, что вижу собственными глазами. Кустарники уже подбирались к моим изодран-

ным ногам, казалось, еще чуть-чуть, и мое тело накроет колючий монстр. Бабушка опустила руки, и все вдруг замерло. Какой-то неведомой силой меня приподняло и перенесло ближе к колодцу.

– Видишь ли, Ноэль, ты ничего не знаешь о своем прошлом. Я тоже не та, кем являюсь в этом мире, – старушка глубоко вздохнула, подошла к колодцу и поставила ведро на его бортик, поросший плющом. Потом повернулась ко мне и продолжила.

– Позволь представиться, меня зовут Зинфания, я хранитель этого источника. По долгу службы владею небольшими чародейскими умениями, и поверь мне, я должна наполнить твои силы магией. Если ты будешь сопротивляться, мне придется сковать тебя заклинанием, – Зинфания вздохнула и все также загадочно улыбнулась. Она подняла руку вверх, что-то шепнула и начала опускать ее вниз. О чудо! По мере того как ладонь опускалась, старушка меняла свой облик. Серые волосы непослушно выпали из аккуратного пучка и раскинулись изумительными локонами по плечам, морщинки разгладились, а старенькое платьице превратилось в необычный балахон, обшитый зеленым выюнком и разнообразными необычными растениями и цветами. Все это было нереально, будто из волшебного сна. Зинфания вооружилась витиеватым посохом и предстала передо мной во всем своем великолепии. Она заметила мою растерянность.

– Ноэль, не бойся, милая. Я понимаю, это все непостижи-

мо для тебя, но со временем ты все поймешь, и это перестанет казаться тебе чем-то невероятным, — взмах, и ведро приподнялось, направляясь ко мне в руки. — Обещаю, один глоток, и ты получишь ответы на все вопросы.

Зинфания поднесла ведро к моим губам. Я сделала глоток, и все тело окутала приятная нега, а мой разум затуманился. Как же мне хочется спать...

Глава 12. «Порто боэри»

Когда сознание вернулось ко мне, в лицо дул приятный ветерок, а, открыв глаза, я увидела бескрайний океан. Даже в самых смелых мечтах я не могла представить себе, что мне посчастливится увидеть его пусть даже во сне. Давненько мне не снились такие замечательные сны. Как приятно проводить рукой по теплему песку и ощущать то, как эта теплота скользит вдоль тела. Я поднялась на ноги и решила осмотреться здесь как следует. Соленый морской ветер растрепал мои волосы, они рассыпались по плечам и развивались, улавливая каждый воздушный порыв. Это ощущение свободы опьяняло и влекло за собой вдоль пустынного берега. Пляж, на котором я оказалась, был окружен массивными скалами. Океанские волны разбегались вдоль водяной глади и с силой разбивались о массивные каменные громадины. Это потрясающе! Вот бы побывать здесь по-настоящему. Я сняла свою обувь и побежала босиком вдоль берега, перепрыгивая набегающие волны. Брызги летели во все стороны, поэтому уже спустя несколько минут я промокла насквозь. Все это настолько нереально и замечательно, что не хотелось думать ни о чем.

Усталость начала сковывать тело. Все, что произошло со мной, так вымотало, что захотелось немного отдохнуть. Заметив каменную глыбу впереди я направилась к ней. Здесь,

за каменной громадиной не так сильно дул ветер, поэтому лучшего места для привала и придумать нельзя. Я опустилась на песок и прислонилась к теплой каменной глыбе. Но камень будто растворился, и меня утянуло куда-то сквозь него и понесло вниз. Я не успела ничего сообразить и рухнула на кого-то.

– Черт возьми! Откуда ты свалилась? – я открыла глаза и поняла, что оказалась в пещере, а подо мной страшно злой незнакомец. Я опомниться не успела, как он гневно спихнул меня в сторону и, поднявшись, начал отряхивать свой черный плащ. Его гнев можно было понять, ему на голову свалилось нечто мокрое да еще по уши в песке. – Я тебя спрашиваю, кто тебя послал? – гневно крикнул он, схватил меня за запястья и с силой сжал их. Это было так неприятно, что я взвыла от боли. Нет, на сон это не было похоже, иначе я бы проснулась от такого. – На кого ты шпионишь? – продолжал кричать на меня незнакомец.

– Я не шпионю, я просто свалилась, извините, я не... – но, не успев договорить, я очень сильно чихнула, видимо сказала прогулка в мокрой одежде. Здесь было довольно прохладно, по сравнению с домашней жарой, поэтому вполне можно было простудиться. Не успев опомниться, я чихнула еще раз, но тут из моих рук вырвалось пламя. Мужчина разозлился еще больше, теперь его плащ был не только мокрым и грязным, но и обугленным. Мощным движением сильной руки он сбил пламя и начал подступать ко мне. Я пыталась

все ему объяснить и извиниться, но его синие глаза прожигали меня насквозь, еще мгновение, и он убил бы меня. Ситуацию спас вбежавший в пещеру блондин невысокого роста, плотного телосложения, в таком же черном плаще.

– Господин Шонис, что тут происходит?

– Кажется, я поймал шпионку, она пыталась напасть на меня, – мужчина схватил меня за руку и толкнул навстречу появившемуся блондину.

– Это неправда, все вышло случайно! Я уснула, потом проснулась, а потом океан, и я упала в пещеру... – меня снова прервали.

– Она хотела спалить меня, Оун! Тут явно что-то нечисто, – крикнул он, а потом рявкнул мне. – Кто тебя послал? – повисла гнетущая тишина.

– Клянусь вам, меня никто не посылал, я и сама не поняла, откуда взялся этот огонь, – я умоляюще смотрела на незнакомых мне людей и мечтала о том, чтобы этот сон поскорее закончился.

– Похоже, это особа ученица Калео, посмотрите на нее. Одета она весьма странно, и, судя по мокрой одежде и волосам, старик опять закинул своего подопечного в океан за провинность. Как тебя зовут, сонная муха? – эти слова из уст блондина прозвучали очень надменно и обидно.

– Ноэль, – тихо прошептала я, мне показалось, что это имя подойдет лучше для данной беседы.

– Ты хоть знаешь, Ноэль, кому на голову свалилась? –

я понятия не имела, кто эти люди, поэтому лишь опустила взгляд, уставившись под ноги, а «господин Шонис» продолжил. — Ладно, считай, что тебе крупно повезло. Если бы не срочные дела, тебя бы отправили в тюрьму за посягательство на безопасность императорской гвардии, — сказал мужчина и обратился к блондину. — Оун, отправь ее к Калео и попроси его придумать более изощренное наказание для нее.

Щелчок, и я оказалась в каменном зале. Мне было очень холодно, так как волосы и платье были еще влажными. Я сделала пару шагов, и на каменном полу позади остались мокрые следы от босых ног. В зале царила тишина и пустошь. Над головой возвышались колонны, которые удерживали массивную крышу. Каждую колонну венчала зубчатая корона, на которой было изображено два дракона: белый и черный. Из их огромных каменных пастей вырывалось каменное пламя, все это походило на фантастический фильм. В конце зала возвышалась огромная каменная лестница. Она спускалась с двух сторон, соединялась в единое полотно и тянулась вниз, каменной рекой, расплываясь веером по каменному полу. Где я? Я хочу, чтобы все поскорее закончилось, и я проснулась у себя в кровати. Этот сон уже перешел все границы, какие только возможно. Послышались шаги где-то наверху, они были достаточно быстрые и явно приближались сюда. Что мне делать? Мне хотелось спрятаться, но куда? Кроме колонн в этом зале ничего не было, других вариантов нет. Я спряталась за колонну и затаила дыхание,

все тело лихорадило то ли от страха, то ли от холода.

– Джерис, я чувствую тебя, выходи! – строгий голос прогремел над залом. – Джерис, я не собираюсь ждать тебя.

Неведомая сила вытолкнула меня из-за колонны. На лестнице стоял седовласый старик с узкой, но очень длинной бородой и такими же длинными волосами, собранными в несколько хвостов вокруг головы. Макушку украшал странный головной убор, похожий на перевернутую рюмку, ножку которой обвивали все те же два дракона. Похожий орнамент дублировался в вышивке на его темно-фиолетовой мантии. Старик подошел ко мне, взял за подбородок и заглянул в глаза.

– Но ты не Джерис. Это многое объясняет, – старик задумался. – Кто ты дитя, и как сюда попала?

– Я... – вдруг голос у меня запнулся, а по щекам потекли слезы. У меня больше не было сил, слишком многое со мной произошло за последние несколько часов.

– Не бойся, дитя, я не обижу тебя, – у него были удивительно добрые глаза, почему-то мне хотелось ему верить.

– Порто боэри, – шепнул он, и мы оказались в какой-то комнате, похожей на кабинет.

Вдоль стен стояли огромные шкафы с книгами, это было потрясающе. От них так и веяло древностью. Размер их впечатлял. Наверно, каждая из этих древних книг весит не менее десяти килограммов, ничего себе. Старик указал рукой на кресло.

– Присаживайся, – он обошел увесистый дубовый стол и сел в кресло напротив. Он еще раз обвел меня взглядом и продолжил. – Меня зовут Калео Горис, а это все, – он развел руки, указывая на обстановку вокруг, – гильдия магов Семокеании. Скажи мне, кто ты и как сюда попала?

– Меня зовут Ноэль, я не знаю, как сюда попала. Я просто спала, но этот сон все никак не заканчивается.

– Как ты говоришь, уснула? А где ты уснула? И почему напала на господина Шониса Феериса?

– Я не нападала, я упала на него! Я просто поверить не могу во весь этот бред, – от абсурдности происходящего у меня опускались руки. – Понимаете, сначала баба Зина за-тащила меня к колодцу. Потом она говорила какой-то бред про магию и волшебную силу. Потом она преобразилась до неузнаваемости, назвала себя Зинфанией и пыталась напоить меня какой-то гадостью.

– Зинфания? Не может быть, – Калео шепотом повторил за мной.

– Потом я оказалась на берегу океана, а потом нечаянно упала на господина Шониса, – но старик, похоже меня не слышал.

– Зинфания, не может быть, она все еще жива! Ноэль, где она сейчас? – Калео казался очень взволнованным.

– Она живет в нашей деревне Озерки.

– Значит, она в мире людей. Ноэль, но как тебе удалось перенестись сюда? Ведь кроме этой старой чародейки никто

не может совершать переход между мирами. Ты же человек. Что говорила тебе Зинфания?

– Она сказала, что у меня день рождения, что мне исполнилось двадцать два, поэтому я готова стать сноходцем, а еще, что я чародейка, – после каждого моего слова глаза Гориса округлялись все сильнее.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть дар снохождения? Но как это возможно, чтобы... Кто твои родители?

– У меня их нет, я родилась и выросла в какой-то странной лаборатории, у меня даже имени не было. Но один очень добрый человек помог мне. Она заменила мне мать и назвала Соней. Поверьте, ей я была несколько лет, пока баба Зи..., хм, Зинфания не сказала, что знает кто я, и что меня зовут Ноэль. Мне необходимо вернуться к ней, чтобы выяснить всю правду, – мое сердце бешено колотилось, я едва сдерживала эмоции.

– Чародейка из мира людей – это невероятно. Но чтобы она была еще и сноходцем – просто невысказано. Если то, что ты говоришь – правда, то лучше тебе об этом никому больше не говорить. Тебе невероятно повезло, что Шонис подумал, что ты моя ученица. Пойми он кто ты на самом деле, тебя не оставили бы в живых, – Горис тяжело вздохнул.

– Получается, я в другом мире. Но почему меня хотят убить и здесь, и там где я родилась?

– Ноэль, чтобы я смог что-то объяснить тебе, мне необходимо самому разобраться в этом. Первое, что ты долж-

на знать, это то, что вернуться в мир людей пока не сможешь. Это поставит под удар твою жизнь, жизнь Зинфании, а также разрушит последний магический источник силы дракона. Как только я со всем этим разберусь, надеюсь с твоей помощью, мы придумаем, что делать дальше.

Для меня это звучало как приговор. Снова скитания, чтобы спасти свою жизнь, мало того, теперь от меня зависит жизнь Зинаиды Дмитриевны. Вот попала, так попала.

– Господин Калео, а кто этот Шонис?

– Один из трех сыновей короля Семокеании, очень влиятельный человек. Ходят слухи, что именно он унаследует корону, после смерти императора. Обычно, он никогда не щадит тех, кто встает у него на пути. Как тебе удалось напасть на него, а самое ужасное, зачем? – Горис грозно посмотрел на меня.

– Я не нападала, честное слово! – воскликнула я. – Я даже не понимаю, как я провалилась в пещеру. Сначала я облокотилась на каменную глыбу, но странным образом прошла сквозь нее и оказалась в пещере.

– Это была иллюзия. Кто-то закрыл иллюзией проход в пещеру, видимо, чтобы никто о ней не знал, – пояснил Горис.

– Там за камнем был выступ, поэтому я не удержалась и упала вниз на Шониса, а потом я чихнула. Из рук появилось пламя и подожгло плащ господина Феериса.

– Ты не перестаешь меня удивлять. Сначала ты говоришь о снохождении, теперь боевая магия огня! Я не знаю, кто

твои родители, но они наградили тебя уникальными магическими способностями.

– А разве не все чародейки могут творить огонь? – удивленно спросила я.

– Конечно все, просто ты не понимаешь, что каждый маг изучает различную магию, но в совершенстве владеет только одной стихией. Юные маги от рождения не знают, от какой силы получили свой дар, он проявляется у них со временем после достижения ими двадцати двух лет. Стихия может проявить себя в момент крайнего эмоционального потрясения. При этом маг может совершенно не знать, как ему управлять ею. Ноэль, твоя стихия – огонь.

Горис щелкнул пальцами, и на его ладони появилось небольшое пламя, как от маленькой свечки. Это было так волшебно. Я никогда не видела фокусов вживую, только по телевизору, а тут так близко, и это все по-настоящему.

– Ноэль, с сегодняшнего дня ты будешь моей ученицей. В нашей гильдии много талантливых магов и чародеек, но лучше тебе больше никому не рассказывать о себе так подробно, это небезопасно. Я выделю комнату в своей башне, – он на мгновение задумался. – И еще, придумай себе имя рода, одинокая Ноэль вызовет подозрения.

– Имя рода?

– Да, это как фамилия в мире людей.

– Но я не знаю, как у вас тут принято, помогите мне придумать, – с умоляющим видом я посмотрела на Калео.

– Имена родов наших земель обычно заканчиваются на «ис». Тебя прислала Зинфания, вот и пусть она станет твоим родом – Фанис, Ноэль Фанис.

– Мне нравится, – кивнула я. – Но как мне быть с моими снами, вдруг я опять куда-нибудь перемещусь?

– Нет, самостоятельно у тебя не выйдет. В мире людей тебе помогла Зинфания, так как сама ты пока не умеешь, а случайно это сделать невозможно. Так что спи на здоровье. Поняла? – я одобрительно кивнула в ответ. – Вот и хорошо, тогда вот тебе первое задание – заклинание «Порто боэри». В переводе на человеческий язык «Перенеси меня туда». Оно переносит мага одного или с компанией в любую точку Семокеании. Все что нужно, произнести название места, а потом произнести заклинание. Если ты перемещаешься одна закрой глаза, если с кем-то, то посмотри на него. Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Скажи про себя «Башня Калео комната 7», посмотри на меня и произноси «Порто боэри».

– Все поняла, – кивнула я.

– Когда ты появляешься в новом месте, ты можешь называть его как хочешь и произнести «Боэри», так пространство запомнит название места в твоей голове. А если место совсем новое, то его название можно посмотреть на карте.

– Похоже на всемирную паутину. У каждой страницы есть адрес, но ссылку на него могу придумать сама, чтобы было короче. Верно?

– Я не очень разбираюсь во всех этих земных штучках,

но, мне кажется, суть ты поняла.

Я посмотрела на Гориса, вспомнила название комнаты и прошептала «Порто боэри».

Глава 13. «Золотое пламя»

Мы перенеслись в мою новую комнату. Горис, убедившись в том, что я смогла перенестись в нужное место, ушел. Здесь все казалось таким необычным. Круглая комната, такая, какую и полагается иметь настоящей колдунье. Три вытянутых окошка, вид из которых поражал воображение. Даже в самых смелых мечтах я не могла представить то, что из моей комнаты будет виден океан. Рядом с одним из окон стояла кровать с белым балдахином из совершенно невесомой ткани. Она достаточно широкая, тут могут спать сразу два человека, что для одной меня невообразимая роскошь. Раньше у меня были небольшие узенькие кровати, а эта так хороша, что на ней мог бы спать титулованный вельможа. Немного правее, у второго окна, стоял письменный стол, на котором находилось все необходимое для письма. Вместо ручки здесь стояла чернильница и перо, а рядом с ними лежала стопка бумаги. Из-за того, что стол стоял у окна, сидя за ним, можно было рассмотреть виднеющиеся горы. Они дремали где-то далеко под пушистым одеялом тумана, ниспадающим к горному подножию и погружающегося в зеленые еловые шапки леса. Оторвав глаза от этой красоты, я увидела слева от кровати книжный шкаф внушительных размеров, который хранил, такие же с виду книги, как у Калео Гориса в кабинете. Да, теперь я точно знаю, чем себя занять, пока

буду находиться в заточении.

После осмотра достопримечательностей своего нового жилища я подошла к платяному шкафу и открыла дверцу. Странное дело, там висела одежда, и она была явно не моя. Длинные платья с широкими рукавами, мантия с вышивкой, похожей на ту, что была у Калео, и много чего еще. Очень странно, это моя комната, а в шкафу лежат чужие вещи. Но выбора у меня особенно не было, ведь моя одежда осталась дома, а та, что на мне, мокрая насквозь. Я взяла первое попавшееся платье и надела его. Оно мне очень подходило. Синий шелк обвивал талию и в форме лилии спускался до пола. Золотой пояс, состоящий из переплетенных тоненьких цветочных лепестков, изящно окружал бедра и свободным краем свисал вниз. Длинные рукава облегли плечи, но ближе к локтю ткань истончалась и почти невесомым облаком спадала чуть ниже кисти. Треугольный вырез на груди изящно подчеркивал и завершал образ. Волосы я трогать не стала хотя бы потому, что они были еще влажные, но к такому потрясущему платью, прическа подходила как нельзя лучше.

Мне определенно нравился мой образ, а новая обстановка казалась чем-то родным. Даже странно, что я родилась и жила среди людей. Здесь все такое необычное. Вот, например, скульптура, стоящая на прикроватном столике. Мне захотелось ее взять и рассмотреть поближе. Она была выполнена в виде стеклянного шара, в котором балансировал великолепный цветок. Такого я никогда не видела, вероятно, это мест-

ное растение. С этими мыслями я подошла к окну и, облокотившись на него, стала любоваться потрясающим видом.

Вдруг откуда-то снизу вылетело нечто огромное, похоже на крылатого змея, или... О, нет, это был настоящий дракон, на его спине сидел наездник и управлял им. Даже в самом смелом сне я не могла себе представить такого зверя. Его зеленая чешуя при солнечном свете переливалась золотыми искорками вытянутых треугольников, каждый из которых накрывал предыдущий. Длинный драконий хвост развивался в воздухе, такой же чешуйчатый, только на самом кончике располагалась черная меховая кисточка, окружающая острый шип. Дракон расправил свои огромные зеленые крылья и завис перед моим окном, вытаращив на меня свои огромные голубые глаза с золотыми зрачками. Все это явление произошло так быстро, что я была напугана не столько увиденным драконом, сколько эффектом внезапности.

– А слухи действительно правдивы, Калео заточил в башню новенькую ученицу, – язвительно заметил наездник.

Но мне было уже все равно, что там и кто говорит, от неожиданности и испуга я кинула стеклянный шар в окно и попала в говорящего. Наездник покачнулся и полетел вниз, а следом за ним спустился дракон. Мне стало ужасно стыдно из-за своей неловкости, судорожно вспомнив заклинание переноса, я спустилась во двор и подбежала к незнакомцу, лежащему на земле. Господи, неужели я его убила?

– С вами все в порядке? – с тревогой спросила я.

– Ммммм... – простонал незнакомец, – а ты меткая. Он посмотрел на меня своими карими глазами и потер место удара. Я упала на колени и склонилась над ним, его лицо было в крови. – И где этому старикашке удастся находить таких хорошеньких девушек? – Незнакомец достал платок и вытер кровь со своего лица.

– Вам помочь встать? – встревожено поинтересовалась я.

– Да, конечно помоги, благодаря тебе я так удачно приземлился, подай мне руку.

Я с сожалением протянула ему руку, чтобы помочь подняться, но вместо этого, он потянул ее к себе. Мое равновесие было нарушено, и в одно мгновение я оказалась на земле, причем в его объятиях. Все это было так неожиданно. Меня еще никто так не обнимал, тем более таким бесчестным способом. Его поведение вывело меня из себя, этот нахал попытался поцеловать меня!

– Да что вы себе позволяете! – возмущенно крикнула я.

– А ты милашка, да еще такая доверчивая, – незнакомец рассмеялся. Это переходило всякие границы! Я была в гневе, поэтому с силой оттолкнула его. В этот момент мои руки вспламенились и подожгли одежду наглеца. Такого исхода событий я никак не ожидала. Молодой человек судорожно начал тушить пламя на своей рубашке, но потом щелкнул пальцами и поток воды намочил его насквозь. – Ну, ничего себе, с каких это пор Калео учит огненных чародеек?

– А с каких это пор принято так грубо приставать к незна-

комым девушкам? – возмущенно ответила я.

– А ты не промах, – незнакомец улыбнулся, его лоб украшала огромная шишка и царапины. – Как тебя зовут?

– Вот с этого и надо было начинать, – я сердито отвернулась от него и увидела, как к нам приближается Калео.

– Я смотрю, Норберт, ты уже познакомился с моей новой ученицей, – ехидно сказал он, подойдя к нам. – А ты молодец, Ноэль, первый раз Норберта так ловко поставили на место, – старик расхохотался.

– Стараюсь, господин Горис, – улыбнулась я, довольная собой.

– Норберт, поднимайся и проводи Ноэль к архимагу Дорису. Ноэль, Гильо Дорис – мой давний друг и архимаг стихии огня, я попросил его пообщаться с тобой и определить уровень твоей силы. Ступайте.

Калео попрощался с нами, и мы с Норбертом отправились в гильдию. После нелепого знакомства между нами повисло нелепое молчание, но спустя минут пять мой компаньон его нарушил.

– Извини, как-то глупо получилось. Обычно девушкам нравятся мои знаки внимания. А ты будто из другого мира.

– Можешь считать, что так оно и есть, твои извинения принимаются, – я посмотрела на раны Норберта. – Ты тоже меня извини, я не хотела сбивать тебя с дракона. Ведь это был дракон? – я постаралась спросить у него это, чтобы убедиться, но при этом не выдать своего изумления. Мне нельзя

было показывать, что я действительно из другого мира.

– Да, это был дракон, а ты сомневалась? – Норберт ухмыльнулся.

– Нет, просто все так неожиданно случилось, ты напугал меня.

– Тогда предлагаю начать с самого начала. Позволь представиться, Норберт Нуилис. Я ученик архимага водной стихии Варме Эспенсио и лучший драконий наездник гильдии.

– А я Ноэль Фанис, ученица архимага Калео Гориса, пока еще новичок во всем.

– Это ненадолго, поверь, у нас в гильдии быстро втягиваются. Вот только странно, что Горис взял тебя в ученики к себе, а учить тебя будет Дорис, – Норберт задумался.

– И что же здесь удивительного?

– А то, что Калео – архимаг стихии иллюзии, а ты – чародейка стихии огня. Было бы логичнее тебе учиться у Гильо, а тут так странно. Может, ты преуменьшаешь свои таланты, раз тебя будут учить сразу два архимага, причем один из них глава гильдии и Верховный архимаг.

– Послушай, я еще сама ничего не знаю, – тут мне пришлось соврать. – Просто у меня сначала открылась стихия иллюзии, а уже когда меня взял к себе Калео, появилась стихия огня, вот теперь и не знаю, какая же у меня стихия, – получилось весьма правдоподобно, Норберт даже в затылке почесал.

– Да, ты действительно не от мира сего, – ох, как же прав

был Норберт. – Мы на месте. Ладно, еще увидимся, красавица.

Норберт взмахнул рукой мне на прощание и пошел вниз по винтовой лестнице. Его рубашка была еще мокрая, поэтому безнадежно прилипала к телу. Не вооруженным глазом было видно, что он в отличной физической форме. Теперь понятно, почему ему не отказывают девушки. Блондинистые волосы до плеч, как мне показалось, были собраны в хвост и интересно сочетались с его карими глазами. Да, весьма необычный провожатый мне достался. Я отвернулась к двери и робко постучала.

– Ноэль, заходи, я ждал тебя, – раздался почти шипящий голос из-за двери. Было так удивительно, что архимаги чувствуют мое присутствие даже тогда, когда не видят меня. Я вошла в кабинет Гильо Дориса.

– Рада познакомиться с вами.

– Горис, мне так расхвалил тебя, интересно, чем ты его так поразила? Покажи мне, что ты умеешь.

– Господин Гильо, но я ничего не умею и знаю только одно заклинание, – я очень смутилась, и стало как-то не по себе.

– Очень странно, обычно к нам приходят маги уже умеющие многое, у архимагов учатся избранные, лучшие из лучших. Как ты попала к Калео? – мне стало совсем обидно.

– Господин Калео верит в меня. Да, я действительно почти ничего не знаю о магии, но мой учитель говорит, что во мне много силы. Пусть сейчас я ничего не могу сама, но вы

увидите, что очень скоро я буду не хуже других, – выпалила я на одном дыхании.

– Интересно, судя по твоему характеру – твоя стихия, действительно, огонь. Но почему тогда иллюзия? Обычно учиться сразу у двоих архимагов могут лишь особенные... – архимаг задумался. – Ну, хорошо, раз Горис так в тебе уверен, давай посмотрим, на каком уровне твоя природная магия.

Гильо надел на палец кольцо, вместо камня у которого было пламя с острыми языками. Он что-то прошептал, а потом уколол мой палец языком пламени. Капля крови растеклась по нему, и через некоторое время на кольце взревело настоящее пламя золотого цвета. Оно было таким неестественным, что осыпалось искрами на шикарный паркет архимага. Гильо онемел, без единого слова он схватил меня за другую руку и проделал то же самое еще раз. Эффект был тот же.

– Иди, мы поговорим с тобой позже, – быстро произнес он и направился к огромному книжному шкафу. Его реакция огорчила меня. Неужели я так безнадежна, что он не стал разговаривать со мной?

– «Порто боэри», – с грустью прошептала я и оказалась в своей комнате.

Как много вопросов скопилось у меня об этом мире. Мне необходимо найти ответы на них. Зинфания обещала, что здесь я узнаю о своем прошлом, но пока у меня ничего не получается. А еще несостоявшийся разговор с Горисом. Никто не мог мне ничего объяснить. Единственным помощни-

ком в этом деле для меня оставалась книга, поэтому и в этот раз я решила все узнать самостоятельно, не привлекая лишнего внимания. Осталось только найти нужную книгу в моей скромной библиотеке.

Глава 14. «Магия стихий»

День близился к завершению. Так как никакого распорядка дня у меня не было, я решила заняться чтением. Местные книги приглянулись мне еще в кабинете у Гориса. Мой книжный шкаф не обладал таким внушительным ассортиментом как у него, но кое-что здесь все же было. Так-так, посмотрим: «Краткая история зарождения драконов», «Танец с белой лилией или несколько правил начинающей леди», «Флора и фауна Семокеании», «Путеводитель гильдии магов», хм, а вот это уже интересно – «Магия стихий». Разноцветная книга на третьей полке привлекла мое внимание. Я взяла ее и понесла к письменному столу. Эта книга больше была похожа на энциклопедию вселенского масштаба, чем на книгу, от нее веяло древностью. Корешок казался необычным, расписанным неизвестными мне символами разных цветов. Я провела пальцем по нему, и книга волшебным образом открылась на первой странице.

«Магия чародейства наполнена различными стихиями. Каждая из них наполняет кровь чародея магическими силами, которые уже заметны к двадцати двум годам. А это значит, что маленький чародей не может творить магию, пока не достигнет нужного возраста. Во-первых, таким образом он не причинит себе вреда, а во-вторых, будет более разумно относиться к произносимым заклинаниям...»

Пока все сходится. Получается мне действительно двадцать два. А раньше я просто не могла колдовать, поэтому даже не подразумевала об этом.

«Сила стихии рождается вместе с чародеем». Далее картинка, на которой изображен младенец, который только что вылез из утробы матери, но на нем странная сияющая голубая слизь. Что-то мне напоминает этот цвет. Ну, конечно, вода в колодце Зинфании была такого же едкого голубого цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.